Седьмого июня в Москве состоялось торжественное заседание, посвященное памяти великого революционера-демократа, гениального мыслителя, пламенного публициста и критика Виссариона Григорьевича Белинского.

В Большом театре Союза ССР собрались ученые, писатели, артисты, представители московских предприятий и братских республик страны.

Заседание открыл заместитель председателя Всесоюзного комитета по проведению 100-летия со дня смерти В. Г. Белинского академик В. П. Волгин, сказавший краткое вступительное слово.

Бурными аплодисментами встретили участники заседания предложение избрать в почетный президиум Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с великим вождем и учителем советского народа товарищем И. В. Сталиным.

С докладом «Белинский и наша современность» выступил председатель Всесоюзного комитета по проведению 100-летия со дня смерти В. Г. Белинского генеральный секретарь Союза советских писателей СССР А. А. Фадеев.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 46 (2429) Среда, 9 июня 1948 г. Цена 40 коп.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Президиум юбилейного заседания в Большом театре Союза ССР. На трибуне—А. А. Фадеев.

Фото Е. ТИХАНОВА.

БЕЛИНСКИЙ И НАША СОВРЕМЕННОСТЬ

Доклад генерального секретаря Союза советских писателей СССР А. А. Фадеева на торжественном заседании в Большом театре 7 июня 1948 года

1. Историческое значение Белинского

Виссарион Григорьевич Белинский родился в 1811 году и умер в 1848 году. Его сознательная жизнь протекала в период самой глухой и зверской реакции после разгрома восстания декабристов в 1825 году. Это была Россия Николая I, Россия неграмотная, отсталая, придавленная крепостником-помещиком.

Но это была Россия после победоносной Отечественной войны 1812 года, Россия, в которой, при кажущейся неподвижности, многое уже сдвинулось с места. Крепостной крестьянин был уже не прежний.

«Что выдвинуло в 40-х годах на сцену мужика, что сделало из него в 50-х первое лицо в литературе? Историки об'ясняют этот факт влиянием западного социализма и главным образом—влиянием романов Жорж Занд... — не без иронии писал Горький в своей «Истории русской литературы». — Но — это едва ли верно, а если и верно, то лишь отчасти... интерес и внимание к нему вызвал он сам, и вызвал грубейшим образом, именно, путем бунтов и волнений. Он занимался этим делом чрезвычайно усердно и все с большей энергией».

Горький приводит статистику все возрастающего числа крестьянских бунтов, начиная с 1826 года, и, остановившись на цифре: 172 бунта между 1845 и 1849 годами, справедливо заключает: «Если в течение 1460 дней мужик бунтует 172 раза, то выходит, что он бунтует каждые 9 дней по одному разу обязательно — тут уж поневоле обратишь на него внимание и без участия... Жорж Занд и прочих посторонних толчков!»

Победоносная Отечественная война 1812 года, разгромившая Наполеона и освободившая порабощенные им страны, подняла национальное самосознание и гордость русского народа, и это отразилось в деятельности наиболее передовых образованных людей. Декабризм был разгромлен, но появились Герцен, Белинский. Время это было временем бурного становления великой русской литературы.

На сознание передовых русских людей не могли не оказывать влияния и национально-освободительное восстание поляков 1830 года, подавленное царем, и буржуазная революция во Франции в том же году, и все те процессы, которые вызвали революцию 1848 года в Западной Европе.

Передовые люди России не могли не видеть вопиющего противоречия между величием русской нации, победившей Наполеона, ее духовной культурой, творимой буквально на глазах, и крепостническим укладом всей жизни, технической и культурной отсталостью, гнусной реакционной ролью, которую играл царизм внутри и вне страны.

Этим противоречием в жизни России об'ясняется, что в воззрениях передовых людей и, прежде всего, Белинского глубокое чувство патриотической гордости так неразрывно связано с желанием изменить положение дел в России.

Белинский был самым передовым и наиболее сознательным представителем этого периода развития России.

Ленин определил Белинского, как предшественника полного вытеснения дворян разночинцами в русском освободительном движении. Взгляды Белинского отразили настроения крепостных крестьян, интересы самых широких масс населения России в борьбе за элементарнейшие права народа, против крепостного гнета.

Белинский был родоначальником революционно-демократического движения, которое особенно развернулось после его смерти, во второй половине пятидесятых и в шестидесятых годах прошлого века.

Характерной особенностью этого движения было то, что в нем социализм и демократизм сливались в одно целое. Социализм был утопический, ибо на основе крестьянского движения без руководящей роли рабочего класса никакого социализма завоевать нельзя. Но это был утопический социализм не по западноевропейскому, а по русскому образцу: подкрепленный программой крестьянской революции — уничтожение самодержавия, ликвидация помещичьего землевладения, раздел земли между крестьянами.

Белинский был первым в этом движении. Он подошел к этой программе, не успев ее развить. Позже, своим путем, ее начал разрабатывать Герцен. Но наиболее полно и последовательно развил ее Чернышевский на почве движения крестьян за землю после царской реформы 1861 года.

Эта программа, несмотря на свои утопические стороны, была самой революционной и самой научно обоснованной программой буржуазно-демократической революции из всех домарксистских программ. В теоретическом отношении это означало, что революционные демократы поднялись на самую высокую вершину, на какую только можно было подняться до появления теории исторического материализма Маркса и Энгельса. Белинский, как первый из них, шел путем мучительных поисков, блужданий, ошибок. Но он проделал такую гигантскую работу по сопоставлению развития России с другими странами Европы, по теоретическому пересмотру всего русского и западноевропейского наследства в области философии, истории, литературы и применения этого опыта к русским особенностям, — что многие стороны его труда имеют действенное значение и до сих пор.

Это и дало право Ленину назвать Герцена, Белинского и Чернышевского предшественниками русской социал-демократии и назвать их так именно в связи с задачей борьбы нашей партии за передовую, подлинно революционную марксистскую теорию.

К этой мысли о роли предшественников партии большевиков Ленин возвращался не раз. «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, — писал он, — Россия поистине **выстрадала** полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы».

Это не значит, конечно, что взгляды революционных демократов можно смешивать со взглядами большевиков или настолько сближать эти взгляды, как это иногда делают, что теряется принципиальная разница между учением Маркса—Энгельса—Ленина — Сталина об обществе, историческим материализмом и взглядами революционных демократов на общество, с их материализмом, который не был и не мог быть до конца научно-последовательным и революционным.

Но значение ленинских оценок революционных демократов, как предшественников большевиков в России, тем выше, что оценки эти связаны с выражением чувства величайшей национальной гордости за то, что Россия стала родиной самого передового, указывающего путь миру революционного движения, возглавленного большевиками, и первая опрокинула капитализм.

Как же высоко должны расценивать мы деятельность наших предшественников в свете той великой роли, которую наша советская Родина играет сегодня во всем мире!

В этом глубокое патриотическое значение высказывания товарища Сталина в дни Великой Отечественной войны, назвавшего Белинского и Чернышевского в ряду лучших людей, выражающих величие русской нации.

Самые передовые для своего времени революционно-демократические взгляды Белинского обусловили необыкновенную широту его интересов, революционный полет мысли. Белинский, революционный демократ и великий русский патриот, является одним из корифеев русской материалистической философии, на голову превосходящим современных ему мыслителей. Он — создатель материалистической эстетики, превзошедшей буквально все, что было достигнуто в этой области до появления эстетической теории Маркса — Энгельса—Ленина—Сталина. Он наложил печать своих воззрений на все развитие русской литературы, и можно сказать, она во многом обязана ему своим всемирно-историческим значением, о котором с гордостью говорил Ленин.

Таково историческое значение Белинского.

2. Борьба вокруг литературного наследства Белинского

Борьба вокруг идей Белинского, развязанная им самим, еще больше разгорелась после его смерти. По отношению к наследству Белинского можно судить о всех силах, участвовавших в борьбе «нового со старым» в России, на всех этапах этой борьбы в течение ста лет и по сей день. И кого только не было среди его врагов!

К его явным врагам принадлежали: зубры-крепостники во главе с царем и вся их челядь — высокопоставленные попы, гоголевские чинуши, в том числе и чинуши от литературы из числа царских доносчиков; крепостники «просвещенные» из лагеря так называемых «славянофилов», которых, по выражению Герцена, Белинский «додразнил до мурмолок и зипунов», раскрыв в их мнимой «народности» лицемерных защитников тех же крепостнических порядков.

После раскрепощения крестьян эти две разновидности открытых врагов Белинского фактически слились в один лагерь охранителей помещичьего землевладения, самодержавия, церковного мракобесия. В лице своих духовных выразителей — прямых, вроде князя Вяземского, или с вывертами, вроде Достоевского (не говоря уже о второразрядных), они обливали грязью имя Белинского до конца своих дней.

Тайные враги Белинского, буржуазные либералы пытались извратить его наследство в духе своих взглядов, прикрывавших их постепенное приспособление к власти помещиков; другие выдавали Белинского чуть ли не за сторонника господства капиталистов в России.

Немалую роль в этом сыграли бывшие друзья его, в молодости даже состоявшие с ним в одном кружке, из лагеря так называемых «западников», с которыми еще при жизни Белинский скрестил идейное оружие.

Именно от бывших друзей, временных попутчиков Белинского, пошла фальшивая, «западническая» легенда о нем, как о школяре, будто бы всю жизнь переходившем из класса в класс немецкой идеалистической философии. По этой легенде Белинский, как школяр «из бедных», к тому же «бранчивый» и с «раздражительным характером», перенимал немецкую науку у них, богатых и «образованных» друзей Белинского, его «учителей», но был непоследователен, чем, собственно, и об'ясняются его «крайности».

Так буржуазные либералы и сомкнувшиеся с ними в конце века либералы-народники, под прикрытием фальшивых сентиментальных фраз о «великом сердце», о «великомученике правды», стремились выхолостить из наследства Белинского его сущность — революционное содержание, лишить это наследство самостоятельного теоретического значения, отнять у русского народа этот великолепный плод его передовой патриотической мысли.

Испуганные революцией 1905 года, открыто заключив союз с помещиками против народа, буржуазные либералы, в конце концов, открыто выступили против Белинского, осенив себя флагом религии.

Их эстетствующие подголоски, буржуазные декаденты, которые стремились в прошлом превратить Белинского чуть ли не в сторонника «чистого искусства» и даже тщились примирить его с Христом, тоже подняли против него вой как раз за пламенную пропаганду общественного значения искусства и за воинствующий атеизм, к которому пришел Белинский.

Ленин навеки заклеймил этих господ в статьях «О «Вехах», «Еще один поход на демократию» и во многих других.

Но как ни велики были силы, противостоящие идеям Белинского, идеи его еще в старое время все больше завоевывали себе сторонников.

Знамя Белинского приняли почти из рук в руки революционные шестидесятники, такие же, как он, разночинцы. «Учителем» называли они Белинского. «...В Белинском наши лучшие идеалы, в Белинском же история нашего общественного развития», — писал Добролюбов. Чернышевский понял и поднял патриотическое значение труда Белинского, как деятеля, который шел наряду с мыслителями Европы, а не в свите их учеников.

Крупнейший из первых русских марксистов, Плеханов, имя которого также принадлежит к лучшим именам русской нации, развернул теоретическую борьбу за Белинского против его врагов. Плеханов назвал его гениальным социологом и одной из высших философских организаций, когда-либо выступавших у нас на литературном поприще.

Но только большевики смогли до конца понять историческое значение Белинского, об'яснить то новое, что внесено им в наше и общемировое теоретическое наследство, отстоять его наследство от всех врагов и сделать его достоянием широких масс советского народа.

3. Корифей русской философии

Это не означает, что борьба вокруг наследства Белинского уже прекратилась. Она идет, и нельзя сказать, чтобы советская наука всегда давала должный отпор его противникам.

Источником наших недостатков в этой области является непреодоленное влияние неверных взглядов на Белинского. Они нашли свое отражение и в работах Г. В. Плеханова, не преодолевшего некоторые из буржуазно-либеральных взглядов на Белинского.

Так, например, по Плеханову, Белинский прошел в области философии следующие этапы развития. Первый,—«фихтеанский», когда Белинский находился будто бы под влиянием немецкого идеалиста Фихте и воевал с «действительностью» во имя «абстрактного идеала». Второй, — «гегелевский», тоже идеалистический, когда Белинский примирился с «действительностью» под влиянием «абсолютных» реакционных выводов философии Гегеля. Третий, — тоже «гегелевский», во время которого Белинский, попрежнему находясь на идеалистических позициях, восстал на «действительность» и совершил переход к диалектике Гегеля. И, наконец, четвертый, «фейербаховский», который Плеханов называет «четвертым актом драмы», когда Белинский полностью разорвал с идеализмом и перешел на материалистическую точку зрения Фейербаха, в значительной степени утратив будто бы диалектику.

Здесь верно только то, что Белинский в своем философском развитии действительно шел от идеализма к материализму.

Но здесь неверно главное. Выходит, во-первых, что Белинский проходил как бы самообразовательную отвлеченную школу, да еще у иноземных учителей, а не великую историческую школу социальной борьбы в России своего времени — России с крепостным крестьянином, борющимся против помещиков, с не оформленными по-современному, но все же различными партиями, отражающими борьбу классов или сословий. Получается, во-вторых, что Белинский, которого сам же Плеханов назвал «гениальным социологом» и «высшей философской организацией», занимался не выработкой в интересах русского народа такой теории, которая помогала бы решить реальные нужды,—а просто рабски переходил от одного немецкого философа к другому. Получается, в-третьих, что человек, никогда не занимавшийся философией в ее отвлеченном немецком смысле, а выражавший свои философские взгляды в тесной связи с конкретными вопросами социальной борьбы в России, посвятивший всю жизнь русской литературе, — получается, что этот человек в формировании своего мировоззрения миновал почему-то всех русских философов, историков и писателей.

Здесь сказался оппортунистический взгляд Плеханова, согласно которому будто бы Россия во всем — и в экономическом и в политическом отношении, и в формировании своего революционного мировоззрения всегда шла и должна итти вслед за Западной Европой, в ее хвосте.

Сошлюсь на высказывание Ленина о плехановской оценке теоретических взглядов Чернышевского:

«Из-за **теорет(ического)** различия ид(еалистического) и мат(ериалистического) взгляда на историю Плех(ано)в **просмотрел** практич(ески)-полит(ическое) и **классовое** различие либерала и демократа».

Плеханов, например, считает, что в «западническом» кружке, в который вошел молодой Белинский после исключения из университета, он, Белинский, представлял «крайнюю левую».

Это неверно. Белинский в дворянском кружке представлял совсем новое, отличное явление. Это был первый разночинец, бунтарь, будущий революционный демократ и будущий основатель своей «партии». А окружали его настоящие и будущие либералы и кое-кто из будущих охранителей самодержавия.

Немецкая идеалистическая философия действительно была религией окружавших Белинского молодых людей. Иначе и не могло быть. Назначение немецкой идеалистической философии—этой реакции на революцию и материализм—как раз и состояло в том, чтобы духовно вооружить всех, кто хочет сохранить старое или «бороться» со старым не революционным путем, а уходом в сферу «чистого духа». Естественно увлечение именно немецкой идеалистической философией в царской крепостнической России после разгрома декабрьского восстания. Конечно, ею не увлекались русские крестьяне. Но кроме самой невежественной и отсталой партии крепостников, состоявшей из зубров и высокопоставленных попов и возглавляемой царем, не признававшей никакой философии, кроме «священного писания», многие образованные дворяне «славянофильского» и либерального толка находили в этой философии свое душевное спасение. «Видите, как нехорошо бороться с царем и с крепостным правом! Идите-ка лучше под сень чистого духа», — нашептывала им немецкая идеалистическая философия.

Белинский пришел в этот кружок, уже будучи автором антикрепостнической драмы «Дмитрий Калинин». В идейном багаже гениального сына уездного лекаря из Чембар были Ломоносов, Радищев, Пушкин, декабристы, французские философы-просветители и вся русская литература.

Белинский проходил свой самостоятельный, порожденный реальными русскими условиями и потому не похожий ни на немецкий, ни на французский, ни на какой другой путь философского развития.

Это был путь искания прогрессивной теории, способной об'яснить и помочь решить проклятые противоречия русской жизни. Это был путь от идеализма к материализму и от метафизического до диалектического взгляда на явления.

Этот переход произошел не сразу. С самого начала так называемый «стыдливый» или «стихийный», а с сороковых годов все более осознающий себя материалист Белинский бунтует против идеалиста Белинского, бунтует все упорнее и, наконец, осознавший себя материалист побеждает идеалиста.

Как раз в то время, когда Белинский, по формулировке Плеханова, находился во втором, «гегелевском», идеалистическом, даже с «абсолютными» выводами, периоде, он писал:

«Когда дело идет об искусстве... я смел и дерзок, и моя смелость и дерзость, в этом отношении, простираются до того, что и авторитет самого Гегеля им не предел... Не почитаю себя обязанным, не будучи учеником... играть роль Сеида».

В этом же письме Белинский громит вторую часть «Фауста», столь излюбленную гегельянцами, называя их построения «логическими натяжками», а Гете упрекая за символы и аллегории.

«Я уважаю мысль и знаю ей цену, но только **отвлеченная** мысль в моих глазах ниже, бесполезнее, дряннее эмпирического опыта...»,—пишет он.

«...Ничего нет смешнее, как Хемницеров метафизик, рассуждающий в яме о времени и веревке, вместо того, чтобы воспользоваться тем и другим для своего спасения».

«Я мыслю (сколько в силах), но уже если моя мысль не подходит под мое созерцание или стукается о факты — я велю ее мальчику вымести вместе с сором».

«Попрежнему меня будет интересовать всякое явление жизни — и в истории, и в искусстве, и в действительности...» «**Есть** для меня всегда будет выше **знаю**».

Так писал Белинский в 1838 году. Это стыдливый материалист Белинский бунтует против себя же — идеалиста.

Если бы этого не было в развитии Белинского, как возможна была бы глубокая жизненность, и в наше время не потерявшая во многом свою силу, большинства его произведений, написанных до того, как он стал последовательным материалистом.

С начала 40-х годов уже никакие отвлеченные ссылки даже на Платона не могут помешать Белинскому толковать «живые предметы» (по выражению Чернышевского) материалистически. Материалист теснит и вытесняет идеалиста. А в статьях о Пушкине (1843—46 гг.), особенно в последних, совершается вполне сознательный переход на позиции материализма.

Это был лучший, наиболее яркий и последовательный период литературной и революционно-демократической деятельности Белинского.

Таким образом, Белинский прошел путь от идеализма к материализму через стыдливый материализм, через материалистически толкуемый позитивизм, путь, свидетельствующий о самостоятельном и поистине гениальном уме Белинского.

Что касается диалектики, то, вопреки утверждениям Плеханова, Белинский не только не отбросил ее в последний период, а наоборот: она помогла ему сформулировать самые блестящие из своих выводов в области общественной борьбы и литературы. Это можно видеть на письме Белинского к Гоголю и на статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года».

В своем материализме, особенно последних лет, Белинский оставил далеко позади себя буржуазных позитивистов типа Конта. Он находился и на значительно более передовых позициях, чем Фейербах, который шел на примирение с религией и, по выражению Маркса, слишком много напирал на природу и слишком мало на политику. А Белинский был воинствующим атеистом и весь — в политике. Сравнивать же Белинского с такими пошлыми и реакционными попами, как Шеллинг или Фихте, да еще превращать его в их учеников—просто кощунственно.

В лице Белинского мировая философская наука имеет дело с крупнейшим явлением, корифеем русской классической материалистической философии, поднявшейся на наивысшие вершины домарксистской философии.

4. Революционер-демократ

Общественно-литературную деятельность Белинского современная советская наука делит чаще всего на два периода: демократически-просветительский, длившийся, примерно, до 1839 года; и революционно-демократический, примерно, с сороковых годов и до конца жизни.

Первый,—когда Белинский будто бы не признавал насильственного изменения крепостнического строя, а пытался воздействовать на всех, в том числе и на крепостников, пропагандой своих демократических взглядов, пока не дошел до «примирения с гнусной российской действительностью». Второй, — когда он со всей решительностью разделался со своим примирением и присоединил к пропаганде своих демократических и уже социалистических взглядов признание необходимости народной революционной борьбы за ликвидацию крепостничества, самодержавия и осуществление социализма в его понимании.

Это — не вполне точно. Белинский **всегда** был антикрепостником. И признавал он возможность насильственного вмешательства в «гнусную российскую действительность» не со второй половины сознательной жизни, а с самой юности, со времени написания антикрепостнической дра-

ОКОНЧАНИЕ СМ. НА 2 СТР.

БЕЛИНСКИЙ И НАША СОВРЕМЕННОСТЬ

ОКОНЧАНИЕ ДОКЛАДА А. А. ФАДЕЕВА
НАЧАЛО СМ. НА 1 СТР.

мы «Дмитрий Калинин» с ее многозначительным кивком на Брута и вплоть до спора с родителем М. А. Бакунина в имении Прямухино в 1836 году, когда Белинский вступился за Робеспьера и, как сам свидетельствует, «в новой теории фихтеонизма чуял запах крови» (здесь заметим, кстати, каков на деле «фихтеанец» был Белинский!).

Вначале это были отголоски декабризма в сознании Белинского, а к 1836 году он пришел к мысли о правомерности и необходимости не столько казни Людовика, сколько Николая I. Но беда этих его воззрений состояла в том, что он неясно представлял, во-первых, во имя какого «идеала», или, по-современному, политического строя, это стоит сделать, — идеал был «абстрактным», как впоследствии писал он. Во-вторых, он совершенно не видел, кто же это насильственное вмешательство может произвести, ибо декабризм показал, что его путь не может привести к победе, а пути народной, крестьянской революции Белинский еще не видел.

Уже в «Литературных мечтаниях» демократизм и патриотизм Белинского бурно, как лава, пробиваются сквозь кору неверного философского воззрения. Белинский указывает на существующий разрыв между русским народом и «обществом», т. е. правящим помещичьим классом.

Но призыв к борьбе адресован не к народу, а к личностям и носит абстрактный характер, т. е. Белинский еще не стоит на почве классовой борьбы.

Не видя реальной силы, способной осуществить в крепостной отсталой России тот абстрактный идеал справедливости, который представлялся Белинскому, он и пришел к «насильственному», как говорил впоследствии, примирению с российской действительностью.

Признав историческую разумность и необходимость крепостного права и самодержавия, как одного из этапов развития «абсолютного духа», Белинский совершил самую серьезную ошибку в своей жизни. В этом ему, действительно, поспособствовала философия Гегеля, поскольку она и создана была ее автором для подобных поступков. Это не означало, однако, что Белинский, подобно Гегелю, с его утверждением прусской монархии, пришел к мысли о полезности сохранения крепостного права и самодержавия. В рецензии на «Речи, произнесенные в торжественном собрании Императорского Московского университета», Белинский доказывал, что из «старой идеи» путем отрицания впоследствии разовьется «новая идея».

Но крепостным крестьянам было от этого не легче. Это скоро понял и Белинский, и его «переходная болезнь», как назвал этот период Герцен, кончилась.

Так совершился переход Белинского на почву народной борьбы — против угнетателей и тот огромного значения теоретический поворот, когда Белинский перестал прикладывать идеи к развитию общества, а стремился выводить их из развития общества. Так сформировались те его взгляды, которые мы уже охарактеризовали.

Из сопоставления опыта России с опытом западноевропейских стран Белинский приходил к предположению, что Россия тоже должна пройти путь капиталистического развития.

Но из опыта тех же западноевропейских стран и Соединенных Штатов Америки он видел большую разницу, если употреблять его выражение, между «буржуази в борьбе» и «буржуази торжествующей». В своих статьях и письмах он блестяще вскрыл угнетательский по отношению к народу характер буржуазной власти. Он уже тогда говорил о способности капиталистов продавать свое отечество в корыстных классовых целях. «Владычество капиталистов покрыло современную Францию вечным позором, — писал он в 1847 году, — напомнило времена регентства, управление Дюбуа, продававшего Францию Англии... Все... мелко, ничтожно, противоречиво; нет чувства национальной чести, национальной гордости...» Можно подумать, что Белинский заглянул в сегодняшний день.

Поскольку Белинский не мог подняться до понимания классовой борьбы, как движущей силы развития общества, и роли пролетариата, его представления о развитии общества не могли быть до конца последовательны.

Но, когда в конце сороковых годов под влиянием крестьянских бунтов началось некое движение в правительстве, Белинский понял самое существо дела: «Правительство не хочет дать свободу крестьянам без земли, боясь пролетариата, и в то же время не хочет, чтобы дворянство осталось без земли, хотя бы и при деньгах».

И вот его отповедь либералам: «...Болтун на все руки, либерал на словах и ничто на деле. Он говорит, что в губернии его считают Вашингтоном (по его, это значит быть радикалом в либерализме), а вот мы, молодое поколение, хотели бы его повесить, как консерватора, хотя по правде мы и не считаем его достойным такого строгого наказания и думаем, что достаточно было бы прогнать его к его лошадям на завод писать для них конституцию. Это его настоящее место, конюшня...»

В этом весь Белинский!

5. Великий русский патриот

Революционный демократизм Белинского нельзя рассматривать отдельно от его патриотизма, ибо они слиты воедино и питают друг друга.

Можно сказать, что Белинский принадлежит к тем людям прошлого, характер патриотизма которых наиболее соответствует нашему пониманию и нашему сердцу.

«Любить свою родину значит — пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих споспешествовать этому».

По Белинскому, каждый народ может совершить свой вклад в развитие человечества не иначе как в национальной форме.

И сколько замечательных черт русского национального характера помогла открыть Белинскому кровная любовь «к плодовитому зерну русской жизни» — крепость и бодрость духа, смелость, находчивость, сметливость, переимчивость, остроту ума, аналитическую силу ума, способность к широкому размаху в жизни и деятельности. В период своих ранних идеалистических увлечений Белинский отмечал в народе «практическую деятельность ума» и, что всего интереснее, — «отсутствие мистицизма и религиозной созерцательности» (в этом весь Белинский!). С какой гневной страстной силой четырнадцать лет спустя, в расцвете своих материалистических убеждений бросил он это неизменившееся, а еще более последовательное мнение о русском народе в лицо Гоголю, павшему до прославления самодержавия и церковного мракобесия!

Народность, как ее понимал Белинский, была в его устах самой высокой оценкой исторического деятеля, писателя, артиста. Народный для Белинского одновременно значило и национальный. Белинский видел в народе носителя лучших черт нации; бичуемые им черты раболепия перед иностранным свойственны были людям, сидящим на шее народа.

Прогрессивность взгляда Белинского на народное и национальное состояло в том, что он включал передовое просвещение (с его всемирным опытом), и в этом было глубокое принципиальное отличие его от лицемерия «славянофилов».

«Литературные мечтания» — сокрушительный удар молодого Белинского по обезьянничанию, раболепию, низкопоклонству у заграницы, свойственному господствующему классу. Это первый манифест первого разночинца, взявшего на себя право говорить от имени народа. И он имел это право!

«...Признаюсь, жалки и неприятны мне спокойные скептики, абстрактные человеки, беспачпортные бродяги в человечестве...» — писал он в последние годы своей жизни. «В отношении к этому вопросу, — говорил он, — я скорее готов перейти на сторону славянофилов, нежели оставаться на стороне гуманистических космополитов, потому, что если первые и ошибаются, то ошибаются, как люди, как живые существа, а вторые и истину-то говорят, как такое-то издание, такой-то логики... но к счастью, я надеюсь остаться на своем месте, не переходя ни к кому...»

И вот такого человека некоторые пытаются еще и до сих пор отнести к либералам «западникам»!

Всю глубину высказываний Белинского о русской нации нельзя понять, не связав их с его мыслями о государстве.

«...Указывают на смирение, как на выражение русской национальности, — писал он. — ...Этот взгляд, может быть превосходный в теоретическом отношении, не совсем уживается с историческими фактами. Удельный период наш отличается скорее гордынею и драчливостью, нежели смирением. Татарам поддались мы совсем не от смирения (что было бы для нас не честью, а бесчестьем, как и для всякого другого народа), а ...вследствие разделения наших сил... положенных в основание правительственной системы того времени. Иоанн Калита был хитер, а не смирен; Симеон даже прозван был «гордым», а эти князья были первоначальниками силы Московского царства. Дмитрий Донской мечом, а не смирением предсказал татарам конец их владычества над Русью. Иоанны III и IV, оба прозванные «грозными», не отличались смирением... и вообще как-то странно видеть в смирении причину, по которой ничтожное Московское княжество сделалось впоследствии сперва Московским царством, а потом Российской империей...»

Да, Белинский раньше, лучше всех в прошлом понял всю прогрессивность того факта, что русская нация так рано создала национальное государство, что означало силу русской нации.

Он же, первый, об'яснил многие черты реакционной отсталости немцев их затянувшейся феодальной раздробленностью, которая еще существовала в Германии во времена Белинского, почему он и называл ее «скроенной из остатков и обрезков». Именно это понимание роли государства все время толкало его на необходимость разрубить противоречие между величием русской нации и ее противонародным и косным правительством. В «Литературных мечтаниях» он еще считал возможным, что его тогда отвлеченный идеал справедливости и просвещения сможет осуществить такой царь, как Петр I, и не случайно курсивом выписал все черты, которые в Петре прямо противоположны царю Николаю. А в сороковых годах, поняв, что это не выход из положения, Белинский перешел на позиции демократического, социального переворота.

Эта точка зрения позволила ему глубже, чем кому бы то ни было, понять в истории России все ее прогрессивные моменты: значение победы над тевтонскими рыцарями, освобождение от татарского ига и польской интервенции, а особенно значение Отечественной войны 1812 года, и восславить таких деятелей в прошлом России, как Александр Невский, Дмитрий Донской, Минин и Пожарский, Кутузов.

Он понял прогрессивную роль Ивана Грозного в создании русского государства, а особенно Петра Великого. Но поразительный демократизм Белинского позволил ему подметить и отрицательную сторону петровской реформы: по мнению Белинского, реформа породила и обезьянничание у заграницы и породила потому, что была произведена только «сверху». Точно двадцатитрехлетний Белинский видел, как по-иному можно было бы реформировать Россию, идя от народа, снизу!

Его ироническое замечание по поводу того, что Петр стриг бороды, — замечание, сделанное в связи с помещением в журнале «Телескоп» биографии самоучки-астронома из Курска: «борода не мешает считать звезды: это известно в Курске», — имеет больший смысл, чем просто шутка.

Известные высказывания его о том, что Россия сумеет лучше разрешить социальный вопрос, чем Западная Европа, и будет давать законы науке и искусству, «принимая благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества», — эти высказывания не были только пророчеством, они имели для Белинского свое историческое обоснование.

В лице Белинского в условиях крепостной России был загнан в гроб крупнейший государственный деятель нового демократического типа.

Только в нашем советском патриотизме навсегда исчезли противоречия, мучившие Белинского. Ибо слились воедино народ и его социалистическое государство, и вся деятельность народа, руководимого великой партией большевиков, деятельность, направленная на укрепление социалистического государства, стала выражением всемирно-исторической задачи освобождения человечества.

6. Гениальный литературный критик

Белинского смело можно назвать основоположником эстетики классического реализма. Самые существенные стороны этой эстетики марксистско-ленинская наука о литературе вобрала в себя и развила на новой, неизмеримо более высокой основе.

С самого начала и до конца своей литературной деятельности Белинский все более сознательно стоял на точке зрения, что литература — продукт общества, отражает и выражает развитие общества.

Это первое положение его эстетики.

Какое бы идеалистическое истолкование ни давал Белинский этому положению в раннем периоде, сколько бы ни говорил об искусстве как продукте «божественного вдохновения» или развивающейся «вечной идеи», — отговорив положенное, он на конкретном анализе произведения реалистически выяснял то, что оно отражает в современном обществе. Даже в статье «Литературные мечтания» он говорит, что «в созданиях художника отражается и век, и народ». И в зависимости от того, как порождены эти создания — народом или «обществом», Белинский оценивает их место и значение. В статьях о Пушкине он дает уже глубокую социальную характеристику его творчества.

Этот подход к явлениям литературы помог, например, даже молодому Белинскому совершенно правильно об'яснить характер творчества Лермонтова. Он об'ясняет это творчество той переходной эпохой после разгрома восстания декабристов, когда новый общественный под'ем еще не начался и потомки декабристов, полные сил, но уже без общественных идеалов, в условиях николаевской действительности гибнут в очерствении индивидуализма. Этим же он справедливо об'ясняет тоску Лермонтова по гражданской поэзии.

С самого начала и до конца своей деятельности Белинский стоит на точке зрения общественного значения литературы, ее влияния на общество, ее воспитательной роли, а во-второй, наиболее плодотворной половине своего творческого пути, открыто признает ее оружием в общественной борьбе. Это второе положение его эстетики.

Сколько бы в увлечении идеалистическими отвлеченностями ни писал он в свой ранний период о том, что искусство «бессознательно», «бесцельно», имеет «цель в себе», что оно «больше жизни», — отговорив положенное, он очень обстоятельно показывает далее общественную, преобразующую роль искусства в жизни.

Все эти противоречия снимаются потом, когда Белинский убедился, что «чистого искусства» не существует.

Особенно замечательно в этом смысле его высказывание о «Фаусте».

«На него особенно любят указывать, как на образец чистого искусства, не подчиняющегося ничему, кроме собственных, одному ему свойственных законов, — пишет Белинский. — И однако ж — не в осуждение будь сказано почтенным рыцарям чистого искусства — **Фауст** есть полное отражение всей жизни современного ему немецкого общества. В нем выразилось все философское движение Германии в конце прошлого (и в начале настоящего) столетия. Недаром исследователи школы Гегеля цитировали беспрестанно в своих лекциях и философских трактатах стихи из **Фауста**. Недаром также во второй части **Фауста** Гете беспрестанно впадал в аллегорию часто темную и непонятную по отвлеченности идей. Где же тут чистое искусство?»

Материалист Белинский уточнил и развил ту же мысль о «Фаусте», которую он правильно нащупал десять лет тому назад, будучи еще идеалистом.

В вопросе об общественной роли искусства Белинский подошел к нам ближе, чем Плеханов.

Плеханов писал:

«Белинский был диалектиком, когда говорил: задача истинной эстетики состоит не в том, чтобы решать, чем должно быть искусство, а в том, что такое искусство. Он был просветителем, когда, требуя от искусства верного изображения действительности, прибавлял кроме того, что искусство **должно** давать известное направление взгляду читателя на известные стороны жизни».

Как известно, Плеханов стоял тоже на точке зрения общественного значения искусства. Но здесь недиалектический книжный взгляд на искусство об'является диалектическим, а блестящее живое применение диалектики Белинским называется «просветительством», — как будто последнее, кстати сказать, обязательно предполагает отсутствие диалектического взгляда на вещи!

Плеханов никогда не понимал принципа партийности литературы, который товарищ Жданов назвал крупнейшим вкладом Ленина в науку о литературе.

Белинский говорил, что талант должен быть «органом сокровенной души всего общества». «Начиная с Белинского, — говорил товарищ Жданов, — все лучшие представители революционно-демократической русской интеллигенции не признавали так называемого «чистого искусства», «искусства для искусства» и были глашатаями искусства для народа, его высокой идейности и общественного значения».

Этот взгляд Белинского на искусство помогал ему разбираться в том, какую роль играет писатель, даже отдельное произведение в жизни — прогрессивную или реакционную, **за кого** и **против** кого оно действует.

Он восславил Гоголя — критического реалиста, и он же осудил те из его повестей, где проявился Гоголь — болезненный фантаст и мистик. Он с первых же вещей Достоевского, после «Бедных людей», почувствовал их идейную фальшь и подверг их беспощадной критике.

Особенность этой критики состояла в том, что Белинский проверял произведения Гоголя и Достоевского жизнью и прежде всего вскрывал несоответствие произведений жизни, искажение правды.

Соответствие изображаемого жизни, правдивость изображения — таков был третий принцип реалистической эстетики Белинского.

Белинский видел реализм не в копировании того, что попадется под руку, а в отражении существенного, типичного, в свете идеи, которую это типичное и должно выразить, в «просветлении идеею самых простых житейских отношений».

«Можно очень натурально изобразить пытку, казнь, несчастную смерть человека, упавшего в нетрезвом виде в помойную яму, — писал он, — но все эти изображения будут возмутительны для души, неизящны и бессмысленны, ибо в них не будет никакой разумной цели. Но когда живописец представит вам естественно истязание человека за истину и в лице его выразит победу душевной твердости над физическим страданием, — то чем больше в картине будет естественности, тем картина будет изящнее и художественнее, ибо в ней будет видна разумная цель и разумная мысль...»

Из этого Белинский делал четвертый вывод, что содержание в искусстве — главное.

В вопросе о содержании искусства Белинский особенное значение придавал современности. У него нет почти ни одной критической работы, где бы не говорилось об этом. «Вольтер прав, сказав, что все роды поэзии хороши, кроме скучного... и несовременного, прибавим мы». Несовременность была для Белинского выражением отсталости, проявлением не только отсутствия чувства нового, но и нежелания бороться со старым.

Над писателями, у которых «мыслею управляют слова, а не мысли словами», он издевался не мало — над всякими лжемастерами, находящими цель искусства в том, чтобы «изображать предметы в каком-то безумном кружении, выражаться дикими натянутыми фразами, неестественными оборотами речи, придавать обыкновенным словам насильственное значение».

«...В его писании есть какая-то оригинальность, какой-то блеск выражения. Но это оригинальность искусственная, это блеск фольги... Все у него так кудряво, во всем такое изобилие эпитетов, амплификаций, что неопытный читатель дивится... этим разноцветным и блестящим переливам слога, — и его очарование только тогда исчезнет, когда... он замечает к удивлению своему только одно пухлое самолюбие и одни пухлые слова и фразы. Это особенно часто является на Западе, особенно с тех пор, как Запад начал гнить...»

Можно подумать, что Белинский поистине глядел в сегодняшний день!

Соответствие формы содержанию было пятым положением реалистической эстетики Белинского. Белинский рассматривал произведение, как единый организм, в котором «гармоническая соответственность частей с целым», благодаря «единству мыслей», отсюда «строго-соразмерное распределение ролей для всех лиц», в результате чего создаются «оконченность, полнота и замкнутость целого».

Поскольку форма, по Белинскому, определяется содержанием, он понимал все многообразие форм, привносимых каждым художником, и всегда доводил анализ произведения до конкретного, даже мельчайшего разбора формы — того индивидуального и нового, что характеризует именно данного художника, особенность формы данного произведения, моменты, где форма не соответствует содержанию, вплоть до отдельных погрешностей стиля, слога.

Белинский относился к литературе, как хозяин. Строгость его требований не означала, что он не понимал литературы, как большого потока, где люди разного масштаба, таланта, разной степени таланта. Даже в раннем периоде, когда в духе идеалистической эстетики он доказывал, что поэзия дело «божественного вдохновения» и доступна только «избранным», на деле он рассматривал каждого по его заслугам.

Мимо глаза и внимания Белинского не прошли ни большие, ни средние, ни малые явления литературы. Он писал не о том, о чем хочется, как это большей частью принято сейчас у наших критиков-сибаритов, а обо всем, как хозяин, расчищая с помощью литературы путь для лучшего будущего народа от всех его врагов.

Из всех литературных критиков прошлого Белинский ближе всех стоит к нашему пониманию того, каким должен быть литературный критик, и до сих пор может служить нам образцом.

Белинский был неповторим в бою с врагами. «Как скоро дело касается до моих задушевных убеждений, я тотчас забываю себя... и тут давай мне кафедру и толпу народа...», — говорил он.

Больше всего в своей литературной работе он ненавидел половинчатость и всеядность.

«...Если смеем так думать, если позволено так выразиться, если не ошибаемся», — характеризовал он «уклончивый» способ выговаривать истину. — «Другой способ выговаривать истину — прямой и резкий; в нем человек является провозвестником истины, совершенно забывая себя и глубоко презирая робкие оговорки и двусмысленные намеки, которые каждая сторона толкует в свою пользу, и в которых видно низкое желание служить и нашим и вашим».

«Грановский хочет знать, читал ли я его статью в «Москвитянине», — писал он в одном из писем («Москвитянин» — журнал славянофилов). — Нет и не буду читать, скажи ему, что я не люблю ни видеться с друзьями в неприличных местах, ни назначать им там свидания».

* * *

Из деятелей прошлого, до революционеров-марксистов, Белинский, наряду с Чернышевским, по принципам своим и по характеру больше всего отвечает духу нашего времени, времени Ленина и Сталина.

И столько любви к нашей Родине, к народу, столько душевной силы и крови сердца вложил он в свои великие творения, что, можно не сомневаться, они будут жить и при коммунизме, который мы строим и построим под водительством Сталина — нашего вождя и учителя.

Это принадлежит детям!

Ответ министра

В связи со статьей Н. Атарова «Это принадлежит детям», опубликованной в «Литературной газете» от 12 мая 1948 года, сообщаю:

Министерством автомобильной и тракторной промышленности издан приказ об освобождении и возвращении органам народного образования и здравоохранения зданий детских яслей №№ 7 и 8 в Автозаводском районе гор. Горького, зданий средней школы № 44 в гор. Саратове и средней школы № 44 в гор. Куйбышеве, занятых под общежития рабочих Саратовского и Куйбышевского подшипниковых заводов.

Министерство приняло также меры к улучшению жилищного строительства на Куйбышевском и Саратовском подшипниковых заводах, так как отставание жилищного строительства являлось основной причиной задержки в освобождении школ, занятых под общежития рабочих.

Вследствие совершенно неудовлетворительного выполнения плана строительства решением правительства строительство этих заводов передано из ведения подрядных строительных организаций других министерств в непосредственное ведение Министерства автомобильной и тракторной промышленности.

В настоящее время Министерство автомобильной и тракторной промышленности организует в Куйбышеве специальный строительный трест, которому ставится задача форсировать жилищное строительство.

Вместе с тем Министерство автомобильной и тракторной промышленности приняло меры к ускорению строительства новых 6 школ, по 400 мест каждая, в поселках Кутаисского, Ульяновского и Минского автозаводов, Алтайского, Минского и Владимирского тракторных заводов, школы на 880 мест — в поселке Сталинградского тракторного завода, школы на 280 мест — в поселке Липецкого тракторного завода, а также 13 детских садов и 8 яслей. Строительство осуществляется министерством в счет своих лимитов капиталовложений.

Министр автомобильной и тракторной промышленности СССР С. АКОПОВ.

„Отцы родные...“

Большой популярностью у юных читателей города Мензелинска Татарской АССР пользовалась детская библиотека. Фонд ее — 10 тысяч книг — бережно хранился в шкафах и на полках в четырех теплых, сухих и светлых комнатах. Приветливо встречали детей в библиотеке, помогали выбрать интересную книгу, беседовали о прочитанном. Здесь устраивались выставки, конференции. Жизнь била ключом...

Несчастье случилось 15 мая 1947 года. Горсовет выселил библиотеку, а помещение отдал под квартиру некоего Тихонова, в прошлом заведующего конторой «Заготкожсырье», а ныне — пекарней. Книги перевезли в 18-метровую комнатушку с выбитыми окнами, обвалившейся штукатуркой и печкой, непригодной для топки.

На запрос секретаря обкома партии Бесева и заместителя председателя Совета Министров Татарской АССР Батыева о причине переселения библиотеки секретарь РК ВКП(б) Хакимзянов, председатель райисполкома Зайнеев и бывший председатель горисполкома Гусев ответили издевательским письмом, вводящим в заблуждение руководящие органы:

«...Помещение по Вахитовской улице занято под квартиру, как непригодное для библиотеки. Решением Исполкома Горсовета детской библиотеке предоставлено помещение, отвечающее требованиям работы детских учреждений... Помещение требует текущего ремонта».

До сих пор книги свалены в разрушенной сырой комнате. До сих пор там не вставлены окна, не починена печь. Книги портятся от сырости. Число читателей резко сократилось. Неужели это соответствует требованиям работы детских учреждений?

Х. САЛИХОВ.

Письмо из прокурорской квартиры

В городе Юрьевце Ивановской области в школе № 2 по Советской улице обучается 300 детей в возрасте от 7 до 12 лет. Школа имеет всего четыре классных комнаты площадью 134 кв. метра и поэтому работает в две смены. Кроме того, в третью смену учатся 100 человек рабочей молодежи.

В годы войны в школе размещалась воинская часть. Война закончилась. Но часть помещения школы заняла канцелярия районо, а площадью в 42 кв. метра завладел вновь прибывший в район прокурор М. Г. Совичев.

В то время, когда школа не имеет даже учительской, полезная площадь занята жильцом, не имеющим никакого отношения к школе.

Неоднократные просьбы к городским и районным руководителям не дают никаких результатов. Да ведь это и понятно. Прокурор, на которого возложен контроль за выполнением правительственных указаний, сам занимает лучшую часть школьного здания и выселяться, конечно, не намерен. Районо не хочет вмешиваться. Таким образом, я фактически пишу это письмо не из школы, а как бы из прокурорской квартиры.

Прошу Вас, — помогите нашему школьному коллективу.

Зав. школой № 2 ХОМЯКОВА.

Любомир ДМИТЕРКО

НАШ ДРУГ

Снег падает на синий невский лед,
На Зимний, Эрмитаж и Мариинский.
Навстречу дням российских бурь идет
Виссарион Григорьевич Белинский.

Я вижу, как гнетет его недуг,
Запали щеки, скулы пожелтели...
Откуда ж этот непокорный дух
В его больном, усталом, хрупком теле?

Взгляни на Русь! Она не только знак,
Двуглавый знак на сургуче печатки...
Тут все кричит: не вечно будет так!
Все воли ждет от Риги до Камчатки.

Еще теснит сердца извечный страх,
Боязнь сраженья с этой жизнью адской,
Но все живет, живет в людских умах
Восстание на площади Сенатской.

И пушкинская острая строфа
Пронзает ткань людских сердец стрелою.
За вольную отчизну, за права,
За свет зари над крепостною мглою!

Тяжел болезни гнет. Во сколько ж раз
Насилья гнет убийственней для жизни!
Но он сквозь мрак полночный видел нас —
Двадцатый век в возлюбленной отчизне.

Он светлый облик видел в забытьи,
Как сон и явь, сквозь все года глухие,
Предчувствовал он бури и бои,
Те, что навек освободят Россию.

И потому он с нами за столом,
Как сеятель в наш праздник урожая,
Венец бессмертья над его челом
Горит, его любовью окружая.

Пришел он, позабыв про свой недуг,
В Москву и в Пензу, в город украинский.
Предтеча наш, наш современник, друг —
Виссарион Григорьевич Белинский.

Перевела с украинского
Вера ЗВЯГИНЦЕВА.

Страна чтит память великого критика

ЛЕНИНГРАД

7 июня, в день 100-летия со дня смерти Белинского, на Волковом кладбище собрались многочисленные делегации партийных, советских, литературных, научных организаций, учебных заведений, заводов, фабрик города Ленина. Траурный митинг у могилы Белинского от имени Исполкома Ленинградского совета депутатов трудящихся и горкома ВКП(б) открыла заместитель председателя Ленгорисполкома М. Матковская. На митинге выступили доктор филологических наук Н. Мордовченко и представители ленинградской общественности.

После окончания митинга под звуки траурного марша на могилу Белинского возлагаются венки от Ленинградского совета депутатов трудящихся и горкома ВКП(б), от Союза советских писателей, от различных организаций и предприятий города Ленина.

УКРАИНА

В Киеве общегородской торжественный вечер открыл председатель республиканского комитета по ознаменованию 100-летия со дня смерти Белинского академик, писатель А. Корнейчук. Доклад о жизни и деятельности великого критика сделал вице-президент Академии наук Украинской ССР А. Белецкий.

БЕЛОРУССИЯ

В Минске, в Государственном университете состоялась научная сессия. Большой интерес вызвал доклад члена-корреспондента Академии наук СССР, доктора философских наук, профессора М. Т. Иовчука на тему «Белинский — классик русской философии».

ЛАТВИЯ

В Рижском государственном театре оперы и балета на торжественном заседании, посвященном 100-летию со дня смерти В. Г. Белинского, с докладом о жизни и творчестве великого критика выступил народный писатель Латвийской ССР, лауреат Сталинской премии Андрей Упит.

гор. БЕЛИНСКИЙ

Детские годы В. Г. Белинского прошли в г. Чембаре, носящем ныне его имя. Здесь, в здании бывшего уездного училища, в котором учился Виссарион Григорьевич, создан на-днях филиал Дома-музея великого критика. В организации экспозиции принял участие Государственный литературный музей СССР. Самые разнообразные экспонаты, с большой любовью собранные сотрудниками музея, дают яркое представление о Белинском, как о критике и великом русском патриоте, демократе. Особый раздел Дома-музея повествует о традициях Белинского, живущих в современной советской литературе.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ И РОМАН ИТАЛЬЯНСКОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Из писем Белинского известно, что в первый год своего пребывания в Московском университете он вместе со своими ближайшими друзьями — студентами Николаем Григорьевым и Павлом Петровым участвовал в каком-то литературном предприятии. Предполагалось, что это книга, о названии и существовании которой, однако, до сих пор не было ничего известно.

Литературовед А. В. Храбровицкий (Пенза), работая в архиве Московского цензурного комитета, нашел запись о представлении студентом Николаем Григорьевым в мае 1831 года рукописи под названием «Избранные письма Якова Ортиса». По этой записи удалось разыскать и самую книгу, вышедшую в том же году без имени автора и переводчиков. Это роман известного итальянского поэта и революционера Уго Фосколо (1778—1827). Содержанием его является исповедь революционера, очутившегося в изгнании и глубоко переживающего судьбы униженной родины.

Перевод с итальянского, сделанный Белинским и его друзьями, является первым изданием романа Фосколо на русском языке. В 1932 году — спустя сто лет — роман Фосколо в другом переводе был издан в серии «История молодого человека XIX столетия», выходившей под редакцией М. Горького.

Сообщение А. Храбровицкого, сделанное на юбилейном заседании в Государственном Литературном музее, вызвало большой интерес.

Пути журнала „Звезда“

С. БАБЕНЫШЕВА

Большинство прозаических произведений, опубликованных в четырех книжках журнала, посвящено героическому подвигу советского человека во время войны. Что нового вносят эти произведения в наши представления о виденном и пережитом за эти грозные годы?

Повесть Е. Катерли «Стожаровы» показывает, как трудовая энергия людей, их вдохновенная, целеустремленная работа для фронта помогла ленинградцам одержать победу.

Крупный машиностроительный завод бездействовал. Люди, вынужденно оторванные от труда, утратили активную роль в войне. И вдруг задание: нужно срочно ремонтировать танки. На гладкой пелене снега, покрывшей заводской двор, появились сотни следов — признаки возвращающейся на завод жизни.

Лучшая сцена в повести — ночное шествие людей на завод. Изможденные, обессиленные, они шли на труд, как на битву.

Тема труда в повести сливается с темой войны. Человек труда становится бойцом, трудовой долг — воинским долгом. И в этом глубоком раскрытии боевого духа труда советского человека — своеобразие повести.

Но когда писательница ограничивается только изображением страданий и их преодоления, она терпит неудачу. Так, не удался образ директора завода Стожарова. С палкой в руках, измученный, сгорбившийся, он показан только в своем страшном бессилии и в боязни это бессилие обнаружить. Но ведь в Стожарове важно не только стремление преодолеть свое бессилие, но прежде всего его сила организатора-руководителя. А этого и не показала писательница.

«Стожаровы» Е. Катерли, несмотря на эскизность многих героев произведения, неприятные натуралистические детали в описании потерявшего человеческий облик инженера Остроумова, несмотря на неровность художественной манеры, — повесть интересная, правдивая.

К сожалению, этого не скажешь о большинстве произведений, опубликованных в нынешнем году в отделе прозы «Звезды». Неизгладимая печать серости, тусклости лежит на них. Чувствуется непритязательный вкус редакции, нетребовательность ее по отношению к молодым авторам, случайность в подборе произведений.

Вот повесть И. Друпа «У старой плотины». Она тоже посвящена жизни завода в дни войны. Директора завода Калмыкова считают в наркомате одним из лучших руководителей. Для того, чтобы сохранить первенство, Калмыков выпускает продукцию, не нужную фронту, но выгодную с точки зрения выполнения промфинплана. Секретарь партийной организации Сафонов раскрывает секрет высоких показателей завода. Таков сюжет повести. Но, едва наметив конфликт, автор сразу же снимает его вмешательством извне: приезжает комиссия из наркомата и переводит Калмыкова на другой завод. Но проблема ведь этим не снимается. Калмыков не изменился. Добрые намерения автора остались лишь заявкой на тему. При этом все герои повести — бледные, серые тени, лишенные красок жизни.

Если произведение И. Друпа не может ни заинтересовать, ни взволновать читателя, то повесть К. Ванина «Отец» способна вызвать только негодование.

К. Ванин оставляет своего героя Назара Лукича, — этакого патриархального, благолепного деда, — в занятой немцами деревне. Читателю непонятны ни деловые мотивы, ради которых старик остается при немцах, ни душевные помыслы героя. Немец-комендант, остановившись у старика, временно возлагает на него обязанности старосты. Назар Лукич покорен и исполнителен. Он не отказывается от подарков немецкого коменданта и даже соглашается привести вечером к нему девушек-песенниц.

Может быть, действия Назара Лукича автор об'ясняет трусостью, отсталостью или предательством? Отнюдь нет. К. Ванин всячески подчеркивает «мужество» и сознательность его поведения.

Он пишет о нем, как о герое. В чем же заключается героический характер его поведения? К. Ванин придумывает для своего Назара Лукича занятие, которое в повести выглядит попросту фантастическим и нереальным. Назар Лукич решает заставить население деревни посеять хлеб и собрать урожай. Он как будто намеревается отдать хлеб партизанам. Но все дело в том, что партизан в повести нет. О них ничего неизвестно, и Назар Лукич не стремится завязать связи с партизанами, он даже не знает места их расположения. И, однако, он с фанатичностью борется за свою «идею». На этом пути он находит полное единение с немецким комендантом — благодушным и либеральным Генрихом Герцелем, который заинтересован в том, чтобы отправить хлеб в Германию.

К. Ванин нарисовал фальшивую, небывалую в нашей литературе ситуацию: фактическое полное единство действий героя, — которого он всячески стремится представить самым образцовым, добродетельным, положительным, — с фашистским командованием.

Мы знаем, как часто население временно захваченных немцами областей жгло, уничтожало урожай, чтобы он не достался немцам. А К. Ванин с умилением описывает выдуманную им, насквозь фальшивую историю о том, как советские люди по наивности или легковерию собирают урожай для оккупантов, так как читателю с самого начала ясно, по всем обстоятельствам повести, что собранный урожай может попасть только в Германию. Ванин дает искаженное представление о советских людях.

Герой Ванина считает, что тактика сбережения сил, «малых дел» — наилучшая тактика. По его мнению, прямая борьба с оккупантами может принести только вред. Крестьянин Авдей на одной из сходок проявил свое презрение к немцам. Его арестовывают и казнят. Назар Лукич говорит: «Хоть и грешно теперь осуждать его, а надо правду сказать... без пользы пострадает человек». Ясно, как чужды советскому человеку подобные рассуждения.

Опубликование повести К. Ванина является грубой политической ошибкой редакции «Звезды».

Большое место в отделе поэзии журнала занимает лирика, связанная с политическими событиями. Стихи В. Шефнера, В. Лифшица, В. Азарова и других проникнуты живой симпатией к борцам за мир и демократию в зарубежных странах.

Своеобразен и интересен цикл стихов А. Прокофьева «Сад». Единый по теме и поэтическому настроению, цикл этот состоит из лирических, песенных фрагментов и частушек. Это праздничная поэма о возвращении народа к земле, уставшей от сражения, но которую люди уже мечтают превратить в сад. Стихи А. Прокофьева словно бы еще в гимнастерке, но уже с трудовыми мозолями на руках.

Яркая и праздничная, интересная по новым словообразованиям (иной раз удачным, а иной раз спорным) лексика А. Прокофьева нередко засоряется архаизмами.

«Как крыла — ее вежды», — говорит поэт о нашей стране, и этот образ, наряду с другими образами этого рода, сразу обращает нас не к настоящему, а к прошлому.

В отделе поэзии журнала нет еще высокой требовательности к качеству публикуемых произведений. Наряду с удачным стихотворением П. Кустова «Бригадир», журнал публикует вялое и бессодержательное стихотворение этого же автора «Любовь тракториста». В отделе поэзии преобладают скучные, бледные стихи, замкнутые часто в кругу чисто литературных ассоциаций, не имеющие выхода в живую, многокрасочную жизнь современного Ленинграда.

Обращаясь к ленинградским писателям, товарищ А. А. Жданов говорил: «Дождутся ли когда-либо ленинградцы, чтобы их трудовые подвиги нашли отражение на страницах журнала?» Сегодняшний Ленинград — Ленинград, занимающий особенно почетное место в осуществлении послевоенного пятилетнего плана, не отражен ни в прозаическом, ни в поэтическом отделах журнала.

В «Звезде» помещена специальная поэтическая подборка о Ленинграде. Но стихи эти раскрывают тему преимущественно лишь с внешней стороны — в них упоминаются ленинградские площади, улицы. Поэзии в них мало. Исключением является стихотворение белорусского поэта М. Танка «Ленинград».

Великий трудовой послевоенный подвиг ленинградцев не нашел своего отражения даже в разделе очерков.

В журнале разнообразная и интересная публицистика. В нем напечатаны познавательные по содержанию и живые по форме очерки М. Михалева о Финляндии, М. Рит об Эстонии, С. Бытового о Камчатке, А. Гитовича и Б. Бурсова о Корее. Но наиболее слабое место этого отдела — очерки о Ленинграде.

Естественно, что читатель, любящий славное прошлое Ленинграда и не менее — его славное настоящее, ищет на страницах журнала рассказа и о сегодняшнем дне своего города. Создание таких очерков — ближайшая задача журнала.

В отделе критики «Звезды» есть интересные статьи: Б. Мейлаха «Философская дискуссия и некоторые вопросы эстетики» и статья А. Дементьева и Е. Наумова «Улучшить преподавание советской литературы». Разные по содержанию, стилю, темпераменту, они сродни друг другу тем, что поднимают существенные вопросы развития советской литературы.

О новых типических закономерностях послевоенного этапа нашей литературы, о разных методах раскрытия душевного мира советского человека своеобразно и интересно пишет Б. Костелянец в своей статье «Духовный облик героя».

Но если в критическом отделе журнал борется за принцип партийности в литературе, за высокие эстетические нормы нашего искусства, то тут же в отделе библиографии эти принципы нарушаются.

Речь идет, конечно, не обо всех рецензиях. В журнале изредка встречаются интересные рецензии (например, Л. Левина, В. Бакинского), но они единичны. В большинстве своем рецензии носят только тематический характер. Из них вы узнаете, что в своем творчестве ленинградские поэты воспевают «тему южных морей», «тему трудового братства», «тему войны», и т. д., но о чем идет в рецензии речь — о стихах или о прозе, — можно узнать только по приводимым цитатам. Анализ «темы» начисто вытеснил анализ ее художественного воплощения.

В критическом отделе, в трибуне писателя, в порядке обсуждения помещена рецензия В. Лифшица на записки Ольги Джигурды. Это — рассуждение о мелких недостатках книги, и только о них, — автор подбирает ряд неудачных фраз из записок и на основе этого делает вывод о самовлюбленной, эгоцентрической направленности всего произведения. Рецензия носит односторонний и мелочный характер.

Перелистывая страницы «Звезды» 1948 года, с грустью убеждаешься, что журнал ухудшился по сравнению с прошлым годом, приобрел налет какой-то серости, вялости. В нем отсутствует живая современность, нет сегодняшнего героического Ленинграда, журнал отстает от жизни.

Чувство современности, к которому призывало постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», должно быть руководящим в работе журнала. Только на этом пути ждут ленинградских писателей творческие победы.

«Звезда» №№ 1—4, 1948 г.

Евгений КРИГЕР

О людях „Малой земли“

Миллионам людей известна превосходная книга П. Вершигоры «Люди с чистой совестью», но народный партизанский подвиг так необ'ятен, что много еще произведений будет создано о людях, подобных Сидору Артемьевичу Ковпаку.

В издании «Молодой гвардии» вышла в свет книга одного из самых неутомимых военных корреспондентов Отечественной войны — Леонида Коробова. Его книгу «Малая земля» раскрываешь с некоторым опасением: не будет ли она слишком часто перекликаться с тем, что нам уже рассказал Вершигора? Опасение улетучивается в первые же минуты. Каждый из обоих участников и свидетелей больших событий рассказывает о них по-своему, так же, как солдаты после боя, каждый по-своему, вспоминают о пережитом.

Книга Л. Коробова сразу заинтересовывает и уже не отпускает от себя прежде всего потому, что в ней есть точная стенограмма событий, встреч, впечатлений, партизанских бесед, будто невзначай и ненароком услышанных, но в целом соединяющихся в широко задуманной и правдивой картине народного подвига.

Будто бы случайные наблюдения, записанные в блокнот день ото дня, в действительности случайны лишь по первому впечатлению. В повествовании Коробова есть лейтмотив, есть поэтические отступления и повторы — свидетельство умелого построения книги. Он умеет рисовать характеры. Тут хочется упомянуть прежде всего о Ласточкине, которого ковпаковцы прозвали Орляткиным, о партизане, который заменял товарищам библиотеку и время от времени после похода и боя заставлял их грустить или радоваться чудесными своими рассказами о жизни, о людях, о суровом и нежном в человеческой жизни. Больно становится, когда смертельно раненный Ласточкин последний свой рассказ просит передать Ковпаку. И вспоминает он историю об умирающем лебеде.

«...Лебеди улетели. Но на волнах, распустив крылья и беспомощно вытянув шею, качалась убитая птица, и с нею осталась одна живая. Убита была супруга. Ее спутник был невредим. Но он бился о волны, подсовывая свою голову под крылья подруги. Он вскидывал голову, взглядывал на нас и снова бросался к убитой подруге.

Он вновь поднырнул под нее и попытался ее поднять на своих крыльях. Так несколько раз повторял он свои попытки, а потом, вытянув шею, вдруг запел, как серебряная труба, и зазвучала последняя прощальная песня — та, которую люди называют лебединой...»

Хороших людей собрал вокруг себя Ковпак, были они суровы и беспощадны к врагу, порою военная необходимость делала их жестокими, но прежде всего не щадили они себя в священной битве за Родину и сражались они за то, чтобы восторжествовали в мире благородные чувства свободы, верности, чести, чтобы человек был поистине человеком.

Пониманием глубоких целей Отечественной войны и народного партизанского движения обладал их вожак, Сидор Артемьевич Ковпак. Коробов в своей книге сумел показать характер этого человека. Разговаривает Ковпак так, что и самые обыкновенные люди понимают его с полуслова, в нем живет большая, мудрая мысль государственного человека.

Книга Коробова привлекательна тем, что автор умеет галантливо рассказать о великом и малом в поступках и в мыслях людей. Ковпак у него — живой человек, с юмором, со стариковскими привычками, когда нужно — крутой на расправу, когда нужно — отходчивый, невозмутимо-спокойный в минуту опасности, с вечной своей богатырской цыгаркой во рту, от которой другой человек свалился бы, если б выкурил до конца. Так же верно и живо изображает Коробов всех ковпаковцев, все они запоминаются, к ним привыкаешь, и жаль с ними расставаться, когда доходишь до последней страницы.

Малая эта земля, — а есть в ней черты всей нашей Большой советской земли.

Леонид Коробов. «Малая земля». Изд-во «Молодая гвардия». 1948. 240 стр.

П. ПАВЛЕНКО

ВИТЯЗЬ ПОЭЗИИ

Русскому читателю доставит огромную радость выход поэм Важа Пшавелы (1861—1915). Мы почти не знаем этого большого самобытного поэта, жизнь и творчество которого составляют одну из самых поэтических страниц в истории такой богатой поэзии, как грузинская. Да и не только в ней одной.

Важа Пшавела стоит в ряду своих современников подобно дереву необычной породы, цветущему не так, как другие, и дающему плоды, которых не с чем сравнить.

Сын горной Пшавии, страны, в его дни отсталой, жившей в тенетах родового строя и представлявшей своеобразный заповедник переживших себя общественных форм, поклонник Лермонтова, бывший семинарист Лука Разикашвили, мечтавший стать юристом, а оказавшийся сельским учителем и пахарем, с неистовством Прометея создает стихи и поэмы о доблести витязей и охотников, о мире гор, населенном дивами и сотрясаемом бесконечными боевыми схватками. Он подписывает их гордым именем — Важа Пшавела, что значит «Муж Пшавский».

Александр Блок как-то обмолвился: «Душевный строй истинного поэта выражается во всем, вплоть до знаков препинания». Это замечание особенно верно в отношении такого поэта, как Важа Пшавела. Не часто бывает художник настолько тесно связан с образами, им созданными, и событиями, им воспетыми, что первые кажутся присущими ему лично, а вторые — делами его личной жизни.

В этом смысле Важа Пшавела — явление необычайное. Жизнь и поэзия этого горца так воедино слиты, так неразделимы, что ощущаешь реальность его сказочных героев и правду легендарных событий, как ни у кого другого, и невольно останавливаешься в недоумении — кем же считать его, только ли певцом старины, живущим в воображаемом мире героики, неисправимым ли символистом, сознательно отрезавшим себе пути к поэзии гнева и борьбы, или учителем жизненной правды, избравшим себе намеренно трудный, нарочито усложненный путь?

В. Гольцев в своей вступительной статье «Важа Пшавела и его поэмы» бесспорно прав, говоря, что «...в мировоззрении великого поэта таилось немало глубоких противоречий» и что «его ненависть к буржуазно-капиталистическому строю не была ненавистью последовательного революционера».

Да, это верно, но это еще не все. Поэзия Важа Пшавелы жила, не отрываясь от земли. Духовный же мир Пшавии тех времен не был еще широко открыт для поэтических влияний Чавчавадзе, Церетели и других, уже последовательно революционных художников.

Важа Пшавела, разговаривая со своим читателем на том поэтическом языке, который пока еще властвовал над душами его сородичей, — на языке былины, как бы стремился научить людей героизму.

Романтизируя прошлое, поэт, однако, не канонизировал суровых законов родовой общины. Наоборот, он всегда находит решение в конфликте с неумолимыми законами рода, тем самым показывая их косность и несправедливость.

Любовь к отваге и вера в свои силы, благородство и моральная чистота его героев побуждали читателя стремиться к тому, чтобы стать похожими на беззаветно храбрых витязей, вроде Алуды Кетелаури, Миндия или Джохола Алхастанзе, сражавшихся во имя торжества справедливости.

Мне кажется, образ Важа Пшавелы, человека и поэта, не раскрыт русскому читателю в вводных статьях к сборнику. Остается неуточненным и место, занимаемое великим пшавом в общегрузинской поэзии.

Определения, даваемые автором вступительной статьи В. Гольцевым, иной раз грешат наивностью:

«Он был самым подлинным гением и сказал свое особое, неповторимое слово».

Самый подлинный гений — это несерьезно. Есть просто гении. Не нужно убеждать, что существуют еще и самые подлинные.

Что же касается «особого, неповторимого слова», то, не сомневаясь нисколько, что Важа Пшавела его сказал, мы хотели бы услышать от исследователя, в чем же суть сказанного? Утаивать этого нет никакого смысла.

Вот еще одна попытка об'яснения силы поэта: «Он создавал в стихах могучий эмоциональный напор». Этот водопроводный образ, попросту говоря, не совсем грамотен. Да, наконец, он лишен содержания.

«Могучий эмоциональный напор», если уж позволить себе повторить это, характерен для любого сильного поэта; Важа Пшавела не является в этом смысле исключением.

В сборнике одиннадцать поэм, переведенных пятью поэтами — Борисом Серебряковым, Владимиром Державиным, Мариной Цветаевой, Сергеем Спасским и Борисом Пастернаком. Книга иллюстрирована прекрасными рисунками Тамары Абакелиа, которой всегда так тонко удаются героические образы грузинской старины, и выглядит празднично. Это одно из самых прекрасных поэтических изданий.

Редакторы сборника С. Чиковани и В. Гольцев предупредили нас в предисловии, что «основная задача поэтов-переводчиков была определена, как точная передача духа подлинника, «местного колорита», специфики образов и всех существенных оттенков их смысла. Эту большую, ответственную и почетную задачу следует считать удачно выполненной Владимиром Державиным, Борисом Пастернаком, Борисом Серебряковым, Сергеем Спасским и Мариной Цветаевой».

Таким образом, получается, что все поэты-переводчики оказались в глазах редакторов на высоте задачи и, следовательно, все точно передали и дух подлинника, и местный колорит, и специфику образов, и все существующие оттенки их смысла. Так ли это на самом деле?

На мой взгляд (взгляд рядового читателя, не владеющего грузинским языком и знающего о Важа Пшавела лишь из рассказов грузинских друзей), переводы далеко не равноценны, и далеко не все переводчики удовлетворительно представили нам поэзию Пшавелы.

Это прежде всего относится к Б. Серебрякову, переведшему «Рассказ старика». Вялый стих его, мне думается, совершенно чужд подлиннику, так же как чужда и косноязычная сложность перевода «Змееедa», сделанного Б. Пастернаком. Далек от духа подлинника, хотя, вероятно, близок к подстрочнику перевод поэмы «Гость и хозяин», принадлежащий С. Спасскому.

А всего ближе — опять-таки на слух, на ощущение простоты и правды — переводы В. Державина и М. Цветаевой. В них чувствуется и тот «эмоциональный напор», о котором уже предупреждал нас В. Гольцев, и, — говоря его же словами, — самое настоящее поэтическое вдохновение, без которого любой технически отличный перевод не заслуживает внимания. Мужественный ритм стиха Важа Пшавелы славится предельной простотой, — ее маловато во всех переводах. Но, пожалуй, самый заметный недостаток их — безликость. Поэты-переводчики, выполнив все требования в качестве последних, не всегда помнили о себе, как о самостоятельных стихотворцах.

Вероятно, мои суждения о стихах многим покажутся кощунственными. И в самом деле, не лучше ли высказываться о поэтических переводах поэту-профессионалу? Безусловно, лучше.

Но право на голос имеет и читатель, не искушенный в тайнах стихосложения, а делящий стихи на доставляющие радость и не доставляющие радости.

Очевидно, не каждому по плечу поэзия Важа Пшавелы. Я не чувствую единства усилий поэта и его переводчика, как это было у Г. Леонидзе и Н. Тихонова в поэме о Сталине или у Г. Абашидзе и В. Державина в поэме «Победоносный Кавказ».

Витязь грузинской поэзии своенравен. Своенравия и отваги требует он и от своих переводчиков. Он требует еще и предельной простоты. Той вдохновенной простоты, которая не нуждается в стихотворной орнаментации и украшательстве, ибо движима событиями и переживаниями, а не мертвою жизнью чинных и гладких рифм.

Важа Пшавела. Поэмы. Редакция В. Гольцева и С. Чиковани. Гослитиздат. 1947. 142 стр.

А. ДЕМЕНТЬЕВ, Е. НАУМОВ

Как строить курс советской литературы

Изучению советской литературы в вузах и научно-исследовательских институтах до сих пор не уделяется должного внимания. Серьезных научных книг в этой области почти нет. Особенно неудовлетворительно обстоит дело с ее преподаванием в вузах и в средней школе. Достаточно сказать, что на весь этот курс на филологических факультетах отводится всего 60 часов, а в средней школе (если не считать уроков, отведенных на изучение Горького, Маяковского, Шолохова и Фадеева) только... 6 часов!

До сих пор в средней школе да и в некоторых вузовских курсах советская литература не отделена от курса XX века. Как будто бы граница, исторический рубеж проходит не в октябре 1917 года, а в 90-х годах прошлого века! Издававшиеся учебники для 10-го класса так и называются: «Литература XX века» (Л. Поляк и Е. Тагер), «Современная литература» (Л. Тимофеев).

Все программы и курсы составлены по одному правилу, ставшему шаблонным. Они резко делятся на две части:

1) пути развития советской литературы — период гражданской войны, восстановительный период и годы реконструкции, период сталинских пятилеток, период Великой Отечественной войны, послевоенный период; 2) монографические характеристики нескольких советских писателей (А. М. Горький, А. Толстой, В. Маяковский, М. Шолохов, А. Фадеев и иногда некоторые другие). Так излагается материал в учебнике Л. Тимофеева, в таком порядке он расположен в программах для вузов и средних школ.

Последняя, новая программа, утвержденная Министерством высшего образования СССР в 1947 году, к сожалению, также не внесла принципиальных изменений в ранее существовавшие и действующие программы. В ней лишь несколько увеличено количество монографических характеристик писателей, но порядок расположения материала оставлен старый.

Основным недостатком подобного построения курсов, учебников и программ является игнорирование исторического принципа изучения советской литературы. Отдельные характеристики советских писателей отрываются от обзоров общественно-литературного движения того периода, в который развивалось их творчество. С другой стороны, общая характеристика литературного движения того или иного периода оказывается обедненной, так как она не подкреплена характеристиками творчества крупнейших писателей, занимавших в те годы видное место в литературе.

К какой недопустимой путанице в изложении материала приводит игнорирование принципа историзма при изучении советской литературы, показывают некоторые факты.

Например, в учебнике Л. Тимофеева «Современная литература» характеристика романов «Железный поток» и «Чапаев», написанных, как всем известно, в первой половине 20-х годов, дается почему-то вслед за изложением постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года!

В программе для средних школ все монографии о советских писателях расположены до общего обзора основных этапов развития советской литературы.

В последней программе Министерства высшего образования лекция о Багрицком следует после лекции о Шолохове и Фадееве, а весь монографический цикл неожиданно заключается лекцией о Н. Островском. Так советские писатели кочуют по курсам и программам, в сущности, оставаясь «без места жительства».

С таким неисторическим подходом связан и другой недостаток: в курсах и программах монографические характеристики посвящены лишь небольшому числу писателей. Вся остальная советская литература обозначается «и др.». Как будто она так бедна, что, кроме А. Толстого, Шолохова, Фадеева и еще двух-трех писателей, в ней нет других, достойных того, чтобы учащиеся средних школ и, в особенности, вузов знали их творческий путь.

Очевидно, у некоторых составителей программ и учебников до сегодняшнего дня сохранилось представление о многих советских писателях, как о все еще «формирующихся». На самом деле десятки из них давно покинули литературную колыбель и заявили о себе, как зрелые мастера художественного слова, заслуженно пользующиеся любовью и признанием советского народа.

Нам представляется совершенно очевидным, что тридцатилетняя история развития советской литературы не только позволяет, но и настоятельно требует такого же строго-исторического изложения, который осуществляется в учебниках и курсах классической литературы прошлого, где за общей характеристикой литературы определенного периода следуют монографические лекции о крупнейших его представителях.

Прежде всего представляется совершенно необходимым отделение в программах и учебниках советской литературы от курса XX века. Лекции о Брюсове и Блоке должны заключать историю всей дооктябрьской литературы, а не открывать собою период советской литературы. Первая же монографическая характеристика должна быть посвящена творчеству А. М. Горького.

В таком случае схема курса нам представляется, примерно, в следующем виде.

I. Введение: советская литература, как новый этап в развитии русской и мировой литературы.

1. А. М. Горький.

II. Литература периода гражданской войны.

1. Д. Бедный.

III. Литература восстановительного периода и периода социалистической реконструкции (20-е годы):

1) А. Серафимович, 2) Д. Фурманов, 3) К. Федин, 4) В. Маяковский, 5) Э. Багрицкий, 6) Н. Тихонов.

IV. Литература периода сталинских пятилеток (30-е годы):

1) А. Толстой, 2) М. Шолохов, 3) Н. Островский, 4) А. Макаренко, 5) Ю. Тынянов, 6) Н. Погодин, 7) Л. Леонов, 8) М. Исаковский, 9) С. Маршак.

V. Литература периода Великой Отечественной войны:

1) А. Фадеев, 2) И. Эренбург, 3) А. Твардовский, 4) К. Симонов.

VI. Советская литература на современном этапе.

Мы предвидим, что эта схема может вызвать некоторые возражения. Прежде всего они могут относиться к выбору писателей, которым должны быть посвящены монографические характеристики. Совершенно естественно, что отсутствие монографических лекций о тех или иных писателях не означает, что о них вообще не будет итти речь в читаемом курсе. Краткие характеристики их творчества должны содержаться в обзорных лекциях.

Важнее, нам кажется, об'яснить, чем мы руководствовались, выделяя некоторых писателей для монографических характеристик. В этой связи хотелось бы, например, заметить, что лекция о творчестве Тынянова позволила бы остановиться на общих проблемах советского исторического романа; лекцию о творчестве Н. Погодина нужно связать с вопросами становления советской драматургии.

Возражения могут быть сделаны и относительно прикрепления того или иного писателя к определенному периоду в том случае, когда его творчество развивалось на протяжении нескольких десятилетий. Например, почему Д. Бедный отнесен к периоду гражданской войны, Федин к 20-м годам, а Горький к введению?

Прежде чем ответить на подобные вопросы, нам хотелось бы напомнить, что в курсе истории русской литературы XIX века монографические характеристики писателей, выступавших в литературе продолжительное время, скажем, Л. Толстого или И. Тургенева, даются после обзора общественно-литературного движения определенного периода, в который творчество этих писателей отнюдь не укладывается. Конечно, обращение к одному и тому же материалу в общих и монографических лекциях в известной мере неизбежно.

Что касается предлагаемого нами размещения монографических характеристик, то скажем следующее.

Монографическая характеристика А. М. Горького вслед за введением, в котором раскрываются взгляды Ленина и Сталина на задачи советского искусства и литературы, естественно, позволяет наиболее полно и глубоко осмыслить творчество Горького и его общественно-литературную деятельность, как основоположника и организатора советской литературы.

Лекция о Д. Бедном вслед за общей характеристикой литературы периода гражданской войны раскрыла бы значение этого крупного поэта, наиболее популярного в народе именно в те годы.

Лекция о К. Федине расположена после обзора 20-х годов по тем соображениям, что вопрос об интеллигенции и революции, поставленный в его лучшем романе «Города и годы», был весьма существенным для тех лет.

Лекция о Л. Леонове отнесена к 30-м годам потому, что это годы известного перелома в творчестве писателя, столь ярко отразившегося в его романах «Соть» и «Скутаревский».

Что касается лекции о А. Фадееве, которая дается после характеристики литературы периода Великой Отечественной войны, то здесь, на наш взгляд, вопрос решает роман «Молодая гвардия», органически продолжающий основную тему творчества писателя — тему нового советского человека, поставленную в романах «Разгром» и «Последний из Удэге».

Мы ни в какой степени не полагаем, что разрешили здесь все вопросы, связанные с построением программы и курса по истории советской литературы. Соображения, изложенные здесь, носят предварительный характер и, очевидно, в ряде случаев могут послужить предметом спора.

Нам представляется чрезвычайно существенным и принципиально важным осуществление исторического подхода, разрушение стандартной «литературной обоймы» за счет значительного увеличения монографических характеристик советских писателей с тем, чтобы в программах, курсах и учебниках, в научном изучении и преподавании советская литература — ведущая литература человечества — заняла должное место.

ОТ РЕДАКЦИИ. Печатая статью А. Дементьева и Е. Наумова, редакция приглашает литературоведов, критиков, писателей, преподавателей советской литературы в вузах и средней школе, студентов и учащихся принять участие в обсуждении вопросов изучения и преподавания советской литературы.

Глабб-паша — агент Бевина

Г. ОСИПОВ

Это английское имя Джон Глабб, арабское — Глабб-паша, а бедуины зовут его Абу Хунейк. Более двадцати лет зловещая фигура Глабба, человека с ястребиным носом и перекошенной от сабельного удара челюстью, мелькает то здесь, то там в странах Ближнего Востока: в течение всего этого времени он угрозами и подкупом, лестью и хитростью прокладывает путь английским колонизаторам.

От Горного Йемена до Трансиорданской пустыни, от стен древнего Иерусалима до нефтепромыслов Мосула, от камней старой Мекки до сирийских степей и побережья Ливана протянулась расставленная британским империализмом предательская сеть заговора против свободы и независимости народов арабского Востока.

Нити этого заговора ведут в мрачный особняк Глабба на высоком холме Аммана, в резиденцию этого некоронованного правителя Трансиордании, у которого король Абдулла — «герой» нынешних кровавых событий в Палестине — находится на побегушках.

Если верить лондонским изданиям новых арабских сказок, Джон Глабб не более и не менее, как добродетельный миссионер и даже филантроп, посвятивший свою жизнь бескорыстному служению «детям пустыни» с единственной целью — вывести их на дорогу «прогресса и цивилизации».

На заседании Совета Безопасности 27 мая британский представитель сэр Александр Кадоган договорился до того, что Глабб-паша — это попросту какой-то безвестный «штатский британский подданный», по собственному желанию, «добровольно» поступивший на «службу» к королю Трансиордании Абдулле.

Мы позволим себе не согласиться с этой версией господина Кадогана, поскольку факты явно свидетельствуют против нее.

Сын жестокого колонизатора и генерала Фредерика Глабба, «прославившегося» походами против туземцев Южной Африки, молодой Джон Багот Глабб в 1920 году оказался в числе немногих кандидатов, отобранных для выполнения «особых заданий» английской разведки в арабских странах.

Свою карьеру он начал в Ираке. Лавры Лоуренса явно не давали покоя молодому Джону. В 1926 году он стал «административным инспектором южных пустынь» и занимался урегулированием «отношений между вождями племен», разумеется, в духе стародавних британских колониальных традиций.

Злоупотребляя гостеприимством арабов, он свободно передвигался из района в район, завязывал хорошие отношения с предводителями племен и влиятельными шейхами и одновременно старательно наносил на карту места, пригодные для строительства британских аэродромов и казарм; вместе с тем, он вербовал надежных людей, которых впоследствии использовал в интересах Англии против ее же союзников — французов в странах Леванта, американцев в Саудовской Аравии — и, конечно, против самих арабов.

Но Глабб-паша не только старался прикинуться «другом местного населения»; он настойчиво и упорно изучал его язык, обычаи и нравы. Немудрено, что ему ничего не стоило в подходящий момент заявить во всеуслышание о переходе в магометанство.

В итоге церемонии в иерусалимской мечети Джон Багот стал бедуином Абу Хунейком. Как «мусульманин», он получил доступ во все местные аристократические и духовные круги и вскоре был назначен начальником пограничной полиции.

Эта должность явно устраивала английского разведчика. Во-первых, она давала ему возможность, под предлогом обеспечения «безопасности», жестоко расправляться с арабами, пытавшимися поднять голос протеста против английского господства; во-вторых, она позволяла ему успешно обогащаться на продаже опиума, ввозимого контрабандным путем из-за границы.

Территория Ирака использовалась Глаббом и для других целей: отсюда его люди вели подрывную работу против соседних стран — Саудовской Аравии, Сирии и Ливана, где в то время у власти находились лица, недостаточно охотно шедшие навстречу Британии в смысле осуществления ее захватнических целей на Ближнем Востоке.

Однако слишком уж «разносторонняя» деятельность этого «мусульманина» вызвала такой ответный эффект, что даже король Ирака Фейсал, боясь всеобщего возмущения, вынужден был просить своих хозяев-англичан убрать Абу Хунейка поскорее и подальше.

По приказу из Лондона Глабб был срочно переброшен в трансиорданский эмират, в помощь ретивому английскому ставленнику Абдулле. Действуя уже испытанными методами, Глабб быстро «навел порядок» в новой английской колонии. Благодаря его стараниям Абдулла стал эмиром, а затем королем и, в соответствии с британскими планами закабаления арабских народов, сейчас готовится взобраться на трон монарха «Великой Сирии». Тот же Абдулла и произвел своего покровителя в бригадные генералы, после чего «штатский британский подданный» начал именоваться пашой.

«Особняк Глабб-паши в Аммане, — писала сирийская газета «Саут-эль-Шааб», — сделался штабом, куда из всех районов приезжают его люди для передачи сведений и получения своей доли денег. Тут же в ставке Глабба издаются приказы и директивы, которые затем тайно переправляются в другие арабские страны. Дом этого «благодетеля» арабов — центр шпионажа, интриг и провокаций, направленных против национальных интересов народов Ближнего Востока».

Кровавый след тянется за Глаббом всюду. Восстания друзских племен против республиканского режима в Сирии, систематические погромы, учиняемые фашистскими негодяями Антуана Сааде против демократических организаций в Ливане, коварное убийство престарелого йеменского короля имама Яхья, — в этих и других преступлениях явственно ощущается все та же направляющая рука Глабба.

Арабизированный английский хищник вызывает ненависть и отвращение арабских народных масс, не желающих служить предметом интриг колониальных держав и пушечным мясом для всякого рода военных авантюр. Симпатии арабов к Глабб-паше были выражены недавно в виде двух бомб, брошенных в его особняк в Аммане.

Только реакционные деятели Арабской лиги — все эти аззамы, нури-саиды, амин-хуссейны, кровно заинтересованные в том, чтобы арабские страны возможно дольше оставались под иностранным господством, делают вид, что не замечают подрывной деятельности Глабба и находящегося под его командованием арабского легиона, официально существующего для охраны нефтепровода Киркук—Хайфа, но фактически созданного и вооруженного англичанами для борьбы с национально-освободительным движением и для насильственного осуществления агрессивных замыслов их ставленника — Абдуллы.

Ворвавшись в чужую страну — Палестину, молодчики Глабба силой пытаются разрушить созданное в соответствии с решением Организации Об'единенных наций новое еврейское государство и помешать палестинским арабам также создать свое независимое государство.

Джон Глабб является одним из тех, кто, выполняя планы мистера Бевина и опираясь на определенную группу продажных лидеров арабских стран, как огня боящихся собственного народа, развязал войну в Палестине; он является одним из тех, кто толкает арабские народы на путь опасной авантюры, в результате которой может выиграть британский империализм, а не народы Ближнего Востока, не арабские народы. Не потому ли господин Бевин, отвечая палате общин на запросы о положении английского командующего арабским легионом, всячески выгораживал своего ставленника и фактически отказался дать раз'яснение о том, руководил ли Глабб-паша военными действиями в Палестине. Однако, на этот вопрос весьма красноречиво отвечает хотя бы тот факт, что не кто иной, как Глабб-паша незадолго до прекращения английского мандата на управление Палестиной посетил Лондон, где получал инструкции не только в Интеллидженс сервис, но и в министерстве иностранных дел.

Таков Джон Глабб-паша, разведчик и провокатор от британской дипломатии, — один из тех, кто своими окровавленными руками осуществляет на арабском Востоке внешнюю политику лейбористского кабинета в целом и министра иностранных дел Бевина — в частности.

Член палаты представителей США демократ Селлер недавно произнес речь, в которой назвал Бевина «мировым чемпионом по надувательству».

Рис. Бор. ЕФИМОВА.

Палестинские рекорды мистера Бевина.

Мих. ЗЕНКЕВИЧ

В МИРЕ ПРИЗРАКОВ

Странное впечатление производит эта претенциозно изданная книга с древним мифологическим названием «Орфей». И по названию, и по оформлению, и по содержанию она кажется запоздалым, старомодным подражанием декадентско-эстетским журналам и альманахам времен Оскара Уайльда и Обри Бердслея, «Весов» и «Скорпиона», «Аполлона» и «Золотого руна». Первое беглое впечатление вполне подтверждается содержанием книги.

Однако, перед нами отнюдь не декадентский журнал сорокалетней давности. «Орфей» издан в Лондоне в 1948 году. Редактор этого «форума искусств», как об'явлено на обложке и на фронтисписе, небезызвестный английский литератор Джон Леман.

В вводной статье Леман оповещает читателей, что «Орфей» призван заменить выпускавшийся им на протяжении ряда лет журнал «Нью райтинг энд дейлайт» («Новое творчество и дневной свет»). При этом Леман, подчеркивая символичность нового названия, заявляет, что оно «менее туманно, но зато более честно...» Иными словами, если старое название, по мнению Лемана, его к чему-то обязывало, то отныне он свободен от всяких обязательств: он откровенно декларирует отказ от каких бы то ни было попыток отражения действительности и не считает нужным прибегать для маскировки к старому заглавию.

Далее Леман в туманных широковещательных выражениях пытается начертать программу нового журнала. «Орфей» будет касаться всех искусств, он не стеснен национальными границами, но будет «собирать повсюду все то, что является более визионерским, чем реалистическим, будет бороться против цинизма... будет отстаивать значение поэта, как творца».

Программа, как видим, в достаточной мере расплывчатая. Что, например, значит «более визионерское, чем реалистическое»? С такими пустозвонными декларациями особых прав поэтов, творцов искусства на визионерство обычно выступали все декадентские группки и теченьица. Но не будем разбираться в путаной программе, посмотрим лучше, как она осуществляется на деле.

Начнем с поэзии. В «Орфее» представлено несколько известных современных английских поэтов: Эдит Ситуэлл, Дэй Люис, Мак-Нис. Однако, все их пышные и претенциозные по форме стихи безнадежно пусты по содержанию. Они похожи на золоченый орех, который, если его раскусить, оставляет во рту привкус пыльной гнильцы. Эдит Ситуэлл, поэтесса старшего поколения, в своей «Песне» задает читателям глубокомысленный вопрос: «В последнем итоге можете ли вы отличить дух человека от духа блохи?» Не в силах сама разрешить этот вопрос, она взывает смиренно к «Христу новых песен». В своих заметках о поэзии Эдит Ситуэлл прибегает к помощи святых отцов католической церкви и к средневековым мистикам. Усердно цитируя творения Августина и других, она пытается их «авторитетом» подкрепить современное поэтическое ясновидение. Попытка с явно негодными средствами. Впрочем, это не помешало восторженному поклоннику Ситуэлл молодому поэту Питеру Эйтсу посвятить ей орфический гимн, в котором почтенная поэтесса символически уподобляется некой «теологической птице», несущей в клюве перл слов, — сравнение, невольно напрашивающееся на карикатуру.

Дэй Люис представлен лирическими стихами «Женщина одна». В них Дэй Люис пишет о себе, как об «изумруде, затерянном в зеленой пустыне времени», как о «потерпевшем крушение, для которого любое пространство — остров». Стихотворение Мак-Ниса «Пьяница» — жалкие потуги на гротеск — свидетельствует о том, что общение с «орфеями» не принесло пользы этому поэту. В «Летней идиллии» Теренс Тиллер упоминает «губы, что были некогда у Кассандры, флейту Дафниса и стоны Амариллис», но все эти аксессуары ложноклассицизма, даже «аркадский воздух», не могут, разумеется, вдохнуть свежесть жизни в затхлую атмосферу его искусственных стихов.

Кроме английских поэтов, в альманахе помещены переводы стихов двух современных греческих поэтов: Одиссея Элитиса и Георгия Сефериса. Однако, читатель тщетно стал бы искать в этих стихах отклика на ту героическую борьбу, которую ведут сейчас греческие патриоты. Одиссей Элитис с предельным бесстрастием описывает скалы Эгейских островов, а Георгий Сеферис пространно рассказывает о приятном отдыхе в доме на берегу моря.

Напечатанный в альманахе рассказ английского автора П. Ньюбай «Десять миль от любой точки» незначителен. В нем скучно повествуется о мальчике, который больше привязан к своей бабушке, чем к матери.

Гротескно-фантастический рассказ французского писателя Ж. Сюпервьелля «Ребенок в открытом море» интересен только одним: он образно иллюстрирует никчемность надуманных созданий эстетствующих декадентов. Содержание рассказа Сюпервьелля таково. В открытом море, в призрачной безлюдной деревне живет девочка-призрак. Она одна по утрам посещает пустую школу и учится по французским учебникам и пишет как будто под диктовку невидимой учительницы предложения: «День, ночь, облака и летающие рыбы, мне кажется, я слышу шум, но это только шум моря»... При приближении судна деревня погружается в воду, и все попытки девочки завязать сношения с людьми тщетны, они не замечают и не слышат ее. В конце рассказа сообщается, что призрачный ребенок среди моря был создан воображением французского моряка, тосковавшего на шхуне по своей умершей дочери. По прочтении рассказа Сюпервьелля у читателя, естественно, возникает мысль, что таким же призрачным, одиноким, никому не нужным созданием, как «девочка в море» Сюпервьелля, является и «Орфей» со всеми его стихами, рассказами, статьями.

Живопись, пропагандируемая «Орфеем», — декадентско-эпигонская, с уродцами вместо живых людей, со схемами и чертежами вместо рисунка, с надуманностью вместо мысли, с чувственностью вместо чувства. Все это выдается за новаторство в искусстве. Усиленно рекламируется молодой итальянский художник Ренцо Веспиньяни, выставка работ которого будто бы недавно произвела сенсацию в Риме и Париже. Но репродукции картин Веспиньяни показывают его, как простого подражателя итальянского футуризма времен Маринетти. Так же не оправдана и хвалебная статья об английском художнике Леонарде Розомане, как о новом романтике. Репродукция картины Розомана «Ссора среди подсолнечников» вызывает чувство брезгливости. На ней изображена голая женщина, истязаемая одетым в пальто молодым человеком. Если это «новый романтизм», то что же тогда цинизм, с которым обещал бороться «Орфей»?

Все реальное, подлинно передовое в искусстве «Орфей» старательно обходит, словно боясь соприкосновения с живой жизнью. В отрыве от народа, от жгучих социальных вопросов современности декадентские поэты и художники создают искусственные, призрачные, реакционные произведения. Щедро предоставляя свои страницы этим произведениям декаданса, провозглашая их творениями «высокого искусства», журнал «Орфей» Джона Лемана на деле явно служит реакции.

Юлиан Тувим — московским писателям

Недавно из Москвы в Варшаву выехал известный польский поэт Юлиан Тувим с супругой, приезжавший в нашу столицу по приглашению Союза советских писателей СССР.

Перед от'ездом г-н Тувим оставил письменное приветствие московским писателям.

Дорогие друзья!

После месячного пребывания я покидаю гостеприимную Москву, в которую я приехал по вашему приглашению. Я стремился увидеть ее давно, еще в те далекие годы, когда я только приступил к переводам произведений Пушкина, и Москва представала передо мной, как город, в котором впервые встретились два гения наших народов — Пушкин и Мицкевич. Я устремлялся мыслью к Москве из далекого и холодного Нью-Йорка, и затемненная в те дни войны столица Советского Союза вставала передо мной озаренной солнцем свободы, которую она несет человечеству. Я ощущал ее близость в послевоенные годы в Варшаве, видя, как моя родина спокойно и уверенно строит свою новую, свободную жизнь. И когда месяц тому назад я ступил на московскую землю, так тепло и дружески встреченный советскими писателями, я почувствовал себя, как в родном городе и в родной семье.

К сожалению, болезнь, приковавшая меня вскоре после приезда к постели, помешала мне осуществить все намерения и планы по ознакомлению с советской столицей и ее людьми, с советской страной и ее героическим народом. Но то, что мне удалось увидеть и узнать, приоткрыло мне замечательную и многообразную картину того нового мира, каким является ваша страна для всего передового человечества. Я наблюдал величественный парад на Красной площади в день Первого мая. Я видел демонстрацию народа Москвы, слышал твердую и уверенную поступь людей, созидающих новую жизнь для себя и для будущих поколений, героически победивших в труднейшей войне и мужественно отстаивающих мир для всего мира. Я видел несколько спектаклей — «Горячее сердце», «Мертвые души» — в Московском Художественном театре, которым по праву гордится ваша страна, и понял, какого расцвета достигло искусство советского народа. В течение этого месяца я имел немало личных встреч с советскими писателями. Беседы с ними дали мне почувствовать, чем живет и дышит советская литература, чем живет и дышит советский народ, ибо в вашей стране литература живет одной жизнью, дышит одним дыханием с народом. То, что я увидел и узнал, лишь разожгло во мне желание увидеть и узнать больше, и с этим желанием я оставляю Москву, уверенный, что при первой возможности я осуществлю его. Поэтому: до свидания! До свидания, друзья, которых я успел узнать! До свидания, друзья, которых я узнать не успел!

Юлиан ТУВИМ.

ТВОРЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПИСАТЕЛЕЙ ЭСТОНИИ

1 июня состоялась творческая конференция советских писателей Эстонии.

Конференция обсудила итоги работы эстонских писателей за прошлый год. Она открылась докладом И. Семпера о состоянии критики и литературоведения. О. Ургарт прочитал доклад об эстонской прозе и драматургии, А. Санг — о поэзии, П. Руммо — о юношеской и детской литературе.

Доклады вызвали оживленный обмен мнениями. В прениях участвовали: П. Виндинг, О. Тооминг, Л. Тоом, народный писатель Эстонии Ф. Туглас, И. Сельвинский, Л. Тигане, А. Кааль, И. Амурский, Р. Парве, Ф. Коткас и С. Левин.

На конференции присутствовал секретарь ЦК КП(б) Эстонии тов. Каротамм.

В Союзе советских писателей СССР

Обсуждение журналов «Октябрь» и «Новый мир»

Обсуждению четвертых номеров журналов «Октябрь» и «Новый мир» было посвящено очередное заседание комиссии по теории литературы и критике Союза советских писателей.

Пристальное, вдумчивое изучение процессов, происходящих в современной колхозной деревне, смелое и широкое изображение их — основное достоинство опубликованных в четвертой книжке «Октября» глав второй части романа С. Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды», — отметил в своем докладе А. Лацис. Писателю удалось показать новых людей, типичных именно для нашего времени и отличных от тех героев, которые запечатлены в книгах советских писателей о первых годах становления колхозов.

— Интересно задуман образ Хохлакова, как образ суб'ективно-честного и преданного советского человека, которого боязнь нового и самоуспокоенность приводят к тому, что об'ективно он становится помехой на пути нашего движения вперед, — говорит М. Кузнецов. Однако, замечают З. Кедрина и Ю. Калашников, некоторая нечеткость и непоследовательность в развертывании характера лишают этот образ цельности и ясности.

Интересным материалом А. Лацис считает очерк И. Ирошниковой «Надя Егорова и ее друзья», посвященный знатной каменщице, а потом знатной бурильщице Криворожского бассейна.

Много критических замечаний было высказано по адресу поэтического отдела. Недостаток мастерства, недоработанность стиля отмечались в поэме молодого поэта Г. Горностаева «Тула».

— Непонятное упорство в отстаивании архаики в поэзии, — говорит Б. Яковлев, — проявляет молодой поэт Н. Тряпкин, напечатавший стихотворение «Колхозная пирушка», где советские колхозники подчеркнуто стилизованы на старинный лад.

В отделе критики и литературоведения выступающие отмечали интересную статью Н. Маслина, ставящую тему традиций Маяковского в нашей современной литературе.

Доклад о четвертом номере «Нового мира» сделал Ф. Левин. Он положительно оценил поэтический отдел журнала (стихи А. Кулешова и А. Рывлина), особенно выделив стихотворение А. Недогонова «Биография», рисующее живой и ясный облик советского поэта — нашего современника.

В журнале напечатаны главы из романа К. Федина «Необыкновенное лето». Обсуждение этого произведения отложено до опубликования книги полностью.

Повесть В. Лукашевича «Зеленый океан» вызвала одобрение большинства выступавших критиков. Это талантливое свежее произведение привлекает к себе внимание той любовью и сердечной теплотой, с которыми нарисованы образы простых советских людей. Повесть написана точным и выразительным языком.

Однако, многие из выступавших упрекали автора «Зеленого океана» в известной идилличности, инфантильности, проявившихся особенно при описании грузинского колхоза.

В отделе критики и публицистики выступающие отмечали содержательную статью С. Борщевского «Щедрин и Достоевский», раскрывающую идейную борьбу между этими писателями за влияние на молодое поколение. Интересна и полезна статья Т. Мотылевой «Легенда о Толстом», в которой автор разоблачает попытку буржуазных литературоведов Запада исказить облик великого русского писателя.

Статья А. Тарасенкова, являющаяся обзором поэзии за 1947 год, не дает, по мнению ряда критиков, настоящих итогов года, не раскрывает процессов, происходящих сегодня в нашей поэзии.

Большинство участников обсуждения положительно оценило материалы, напечатанные в «Новом мире» к 18-й годовщине со дня смерти В. Маяковского: статью С. Карова «Забытые строки» и Л. Фейгельман «Маяковский в славянских странах».

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС

Газета «Красный флот» об'явила конкурс на лучший рассказ и художественный очерк о советских военных моряках. В конкурсе приглашены принять участие профессиональные литераторы, а также члены флотских литературных кружков.

Темы произведений, присылаемых на конкурс: строительство и укрепление мощи советского Военно-Морского Флота, его боевые и революционные традиции: высокие моральные качества наших военных моряков, трудовые подвиги демобилизованных моряков, активно участвующих сейчас в мирном строительстве.

Размер рассказа или очерка, присылаемого на конкурс, — от 7 до 10 страниц на машинке. Лучшие рассказы и очерки будут премированы. Конкурс начинается 15 июня 1948 г. и заканчивается 15 декабря 1948 г. Состав жюри: Вс. Вишневский, А. Зонин, Б. Лавренев, Л. Лагин, К. Паустовский, М. Рудный, Е. Юнга.

Произведения, предназначенные на конкурс, следует присылать по адресу: Москва, Б. Козловский пер., 6, редакция газеты «Красный Флот» или — Москва, ул. Воровского, 52. Комиссия по военно-художественной литературе ССП СССР.

Николай ПОГОДИН

Зеленые в Вашингтоне

Эту кличку им дали сведущие люди Америки и в первую очередь журналисты. Так или иначе, а надо точно знать, с кем имеешь дело. Зелеными, как известно, называют бандитов, скрывающихся в лесах. Эти же зеленые, о которых идет речь сейчас, устроили свой притон в политических джунглях Вашингтона.

Американская пресса в свое время, когда зеленые еще накапливались, сообщала о том, что государственный департамент «признает с большой неохотой» организацию международного авантюристического притона в Вашингтоне, но — признает. А поза «большой неохоты» делалась, конечно, для публики, которую надо постепенно приучать к подобным или — что гораздо вернее — бесподобным фактам политической жизни Вашингтона.

«Зеленая лига» немногочисленна. Доктор Гемето из болгарского земледельческого союза, Надь Ференц из венгерской партии мелких сельских хозяев, Владко Мачек из хорватской крестьянской партии, Григоре Никулеску-Бузешть из румынских национал-царанистов, Станислав Миколайчик из Польши, разные папанеки и славеки из Чехословакии — таков пока основной список «людей, потерявших почву под ногами в своих партиях на родине и оказавшихся изолированными, когда им бросили вызов другие лидеры, связанные со своими народами» (цитирую по американской газете «П. М.» — **Ник. П.**).

Потерять почву под ногами в своих партиях — жребий жалкий. Все эти лица — предатели. Можно лезть из кожи вон, доказывая, например, что бегство Миколайчика из Польши «трагично» и «возвышенно», но ведь трагедии не получилось, а вышла уголовщина. Простонапросто, без особых приключений Миколайчик улизнул на свою вторую родину на военном самолете англичан. Для того чтобы хоть как-нибудь придать своей персоне вид героически-страдальческий, Миколайчик об'явил, что он, «бежав быстрее лани», успел захватить с собой лишь бритву, полотенце и мыло. Что касается партийной кассы с миллионом злотых в иностранной валюте, которую везли его сообщники, то Миколайчик, видимо, считал, что это дело не откроется. Оно открылось.

Финал, как видите, неприглядный. Политическая карьера выродилась в детектив. Из бритвы, мыла, полотенца газеты сделали своеобразный герб для Миколайчика. Детектив стал анекдотом. Американская парфюмерная фирма предлагает Миколайчику крупный гонорар за право напечатать на обложке книги его будущих «воспоминаний» рекламу: «Наши бритвы, наше мыло — лучшие»... Среди американских журналистов ходят слухи, что это предложение принято и художник готовит броский рисунок — комбинацию из мыла, бритвы, полотенца — символов бегства Миколайчика.

Все это, конечно, только штрихи и мазки к портрету современных политических банкротов.

Политический портрет того же Миколайчика делается полным и законченным, когда этот «несгибаемый борец за демократию» поступает на службу к Херсту. Зеленое становится коричневым.

Теперь уже больше нечего скрывать. Все эти людишки обанкротились и провалились в своих странах, как агенты англо-американской политики. Теперь им надо как можно поскорее и, главное, побеззастенчивей сгладить свою вину перед хозяевами, ибо с политическими отбросами, вообще говоря, не церемонятся. Отсюда спешная организация «Международного крестьянского союза» и тому подобных организаций.

Не сами по себе все эти политические отщепенцы собрались в Америке. На то были приказ и виза. Можно даже, не без оснований, утверждать, что сборище было предусмотрено и запланировано еще задолго до того, как эти господа стали с'езжаться в Вашингтон.

Но для чего? Что они представляют? Какая им цена? Никакой, конечно. Это — мертвецы. Однако в том-то и суть всякого авантюризма, что он ничто стремится превратить в нечто...

В конце мая в Вашингтоне открылись официальные заседания «Международного крестьянского союза», где заседают все те же лица.

«Если на клетке слона прочтешь надпись: «Буйвол», не верь глазам своим». Сия истина Козьмы Пруткова целиком относится к деятельности зеленых в Америке.

Никакого «Крестьянского союза» в действительности не существует. Аграрные проблемы решены на долгие времена великими земельными реформами, происшедшими в странах юго-восточной Европы. Смешно подумать, будто эти прожженные политики занимаются какими-то научными вопросами, связанными с аграрной проблемой.

«Действительная цель заседаний «союза» и его лидеров, — заявил представитель Американского всеславянского конгресса, — состоит в подготовке насильственного свержения нынешних правительств в странах Восточной Европы, с правительствами которых наша страна поддерживает дипломатические отношения...»

Вначале образование шайки заговорщиков и авантюристов официально признавалось, но «с неохотой» и даже «большой». Это была, так сказать, «стыдливая пора» скандальной связи, которая, естественно, должна была как-то кончиться.

Она и кончилась... приветствием президента США! Теперь зеленые знают свое положение в Вашингтоне: они — признанные марионетки государственного департамента. Происходящее одновременно в Чикаго совещание чехословацких изменников во главе с Папанеком и Славеком приветствовал сам м-р Трумэн. «Крестьянский союз», заседающий в Вашингтоне, может разрабатывать теперь какие угодно авантюры: зеленым сказано — «можно».

До чего же докатилась Америка Трумэна, до чего измельчали политики этой страны! Видимо, не от хорошей жизни авторы «доктрин» и «планов» цепляются за всякий политический сброд и неудавшихся «фюреров», превращая столицу США в своеобразный международный притон авантюристов.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники и отдел писем — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—00847.